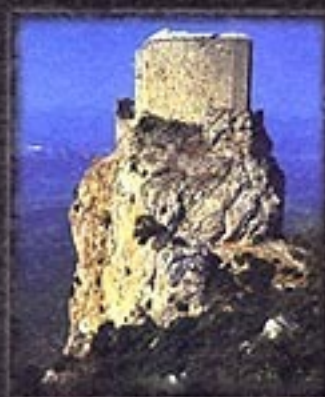

3. ОЛЬДЕНБУРГ

КОСТЕР МОНСЕГЮРА

**История альбигойских
крестовых походов**

Зоя Ольденбург

**Костер Монсегюра. История
альбигойских крестовых походов**

Ольденбург З.

Костер Монсегюра. История альбигойских крестовых походов /
З. Ольденбург —

Книга Зои Ольденбург, нашей соотечественницы, уехавшей во Францию еще ребенком и посвятившей свою жизнь нелегкому труду историка, по праву считается одной из основополагающих работ об альбигойских крестовых походах и о загадочном феномене ереси катаров. Книга написана ясно, не по-женски жестко и в то же время отличается той эмоциональной пронзительностью, которая не позволяет читать ее без глубокого волнения.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I	6
1. Начало	6
2. Крестоносцы	10
3. Окситания	14
ГЛАВА II	21
1. Истоки	21
2. Догма	24
3. Организация и экспансия	31
4. Социальные и моральные аспекты учения катаров	41
5. Борьба с «Вавилоном»	46
ГЛАВА III	52
1. До Иннокентия III	52
2. Святой Доминик, его апостольство и поражение	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Зоя Ольденбург

КОСТЕР МОНСЕГЮРА

История альбигойских крестовых походов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Филипп Август, величайший из французских королей – предшественников Генриха IV, – «собирал Францию» на равнинах Фландрии¹, часть его вассалов под эгидой католической церкви занималась на земле Лангедока тем же, но на свой манер.

История гласит, что победитель Бувине умел, когда следовало, быть и твердым, и безжалостным. Но, несомненно, и тому свидетельство – завоевание Нормандии, его воспринимали бы совсем по-другому, если бы не позорная память о резне, пожарах и истязаниях, которую оставили крестоносцы в Лангедоке и тем замарали страницы истории Франции.

В то же время, отмежевываясь по мере сил от соображений эмоционального и морального порядка и реально взглянув на вещи, трудно не признать, что установление власти французских королей в Лангедоке – событие колоссальной важности, жизненно необходимое для Франции, радикально изменившее ее внешние и внутренние структуры и придавшее ей совершенно новый облик.

Овладение Нормандией открыло Франции морские пути на Север, покорение Лангедока дало ключ к средиземноморскому бассейну и, не считая бесчисленных торговых выгод, позволило по-новому планировать политику в отношении Италии. С другой стороны, королевство с сильным влиянием германской культуры становится открытым влиянию Окситании – прямо наследующей латинскому духу, но вынужденной (как и весь Лангедок) подчиниться проникновению франко-бургундского военно-клерикального феодального духа с его стремлением подмять под себя более независимый социальный уклад городов и замков-крепостей. Начался процесс взаимопроникновения рас и цивилизаций, обеспечивший будущее величие Франции.

И все же нельзя забывать, какая цена была заплачена в итоге: тридцать пять страшных лет народ Лангедока, миролюбивый, но готовый биться насмерть за свою веру, страдал от нашествия полчищ поджигателей, грабителей и головорезов с крестом в одной руке и с мечом в другой. Предлагаемый вашему вниманию труд воссоздает весь ужас этой бесконечной муки, завершившейся чудовищным костром у подножья ныне священной горы. И я восхищен героическими усилиями автора, который, приводя множество объективных доказательств, склонен все же скорее оправдывать, чем осуждать жестокости, творившиеся именем Христа, и стойко проходит до конца свой тяжкий путь.

Жерар Вальтер

¹ См. также: *Дюби Ж.* Воскресенье в Бувине.

ГЛАВА I

ПРЕДПОСЫЛКИ КРЕСТОВОГО ПОХОДА

1. Начало

10 марта 1208 года папа Иннокентий III бросил торжественный клич к бою и объявил крестовый поход христиан против христиан. Поход этот был справедлив и необходим: край населяли еретики «ужасней сарацинов».

Папский призыв прозвучал через четыре года после взятия крестоносцами Константинополя. Врагом был объявлен Раймон VI, граф Тулузский, кузен короля Франции, шурин королей Англии и Арагона, соединенный вассальной клятвой с этими тремя монархами и с германским императором; герцог Нарбоннский, маркиз Прованса, сюзерен Ажене, Кэрс, Руэрга, Альбижуа, Коменжа и Каркассе, граф Фуа – словом, один из величайших вельмож западного христианского мира, первая персона Лангедока.

В эпоху, когда знатность соответствовала могуществу, все именитые граждане, от королей до скромных землевладельцев, были воинами, ибо войны велись непрерывно – у сеньора всегда находился повод вторгнуться в соседские владения. Более того, век предшествующий ознаменовался могучим рывком западных народов в сторону Святой Земли. Воин-пилигрим, даже преследуя чисто материальные цели, в XII веке был твердо уверен, что сражается во имя Господа. Знать, потерявшая каждого десятого на полях Палестины, вряд ли отдавала себе отчет в бесплодности приносимых жертв. Но уж локальные войны, которые она должна была вести по обязанности, казались ей мелкими и пошлыми.

Во время четвертого крестового похода Симон де Монфор, рыцарь, чья воинская доблесть не вызывала сомнений, отказался поднять оружие против христианского города и пойти в услужение дожу, а не папе. Большинство крестоносцев не последовало его примеру, после взятия католического города Зары двинулось на Константинополь и тем выдало с головой свои истинные цели. Франкское рыцарство, не менее других склонное к захватам и грабежам, осталось после случившегося скандала сильно разочарованным. Пусть крестовые походы превратились в бесполезные предприятия, пусть Святая Земля привлекала лишь немногих любителей приключений – для большинства рыцарей и прочего военного люда этот путь заслужить отпущение грехов и снискать бранную славу все еще оставался и необходимостью, и подчас истинной страстью, и нередко источником средств к существованию. Что же тут много размышлять о необычности нового крестового похода, раз уже прозвучал призыв папы?

Правда, не надо забывать о космополитизме знати той эпохи, когда английское рыцарство болтало по-французски, итальянские и испанские трубадуры сочиняли на языке «ок», а в школах трубадуров учились немецкие миннезингеры; когда, наконец, сложность феодальных связей и перекрестные браки привели к тому, что все знатные фамилии оказались родственниками. При этом довольно трудно поверить в реальность священной войны против графа Тулузского.

Анафема, обрушенная Римом на землю Окситании в марте 1208 года, разрывает надвое историю католического христианства. Освящение войны христиан против христиан должно было не только разрушить моральный авторитет Церкви, но и исказить сам принцип этого авторитета. То, что папа полагал обычной мерой защиты общественного порядка, по воле событий превратилось в систему репрессий, которая вскоре сделала Рим объектом ненависти и презрения всего христианского Запада.

Сами же обстоятельства, заставившие Иннокентия III рассвирепеть на графа Тулузского, вполне оправдывают его призыв к войне: все дальние и ближние владения графа были охвачены ересью, а 14 января 1208 года один из офицеров графа убил папского легата Пьера де Кастельно.

Убийство легата, полномочного посла папы, было тяжким преступлением, вполне оправдывающим объявление войны. Церковь не обладала светской властью и могла ответить на кровное оскорбление только доступными ей средствами духовного воздействия. Зато они были страшны, перед отлучением и запретом на богослужение трепетали даже монархи и во избежание гнева Церкви были готовы к любым переменам в своей политике и частной жизни. Английский король Генрих II, отлученный в 1170 году от Церкви за убийство Томаса Бекета, заслужил у папы прощение только после унижительного публичного покаяния, а во Франции не забыли долгие месяцы запрета 1200 года за негласный развод короля Филиппа Августа. Отлучение от Церкви было равносильно гражданской смерти и освобождало близких и подданных от всех обязательств по отношению к отлученному. Запрет парализовал жизнь страны, отлучая население от отправления религиозных обрядов, необходимых большинству почти как хлеб насущный. В Германии папа вмешивался в избрание императора и норовил посадить на трон своего кандидата вопреки воле немецких князей. Англию он предал запрету за то, что король Иоанн упорствовал в выборе архиепископа по своему вкусу.

Филипп Август сдался, Иоанн принес покаяние и отдал свою корону, чтобы вновь получить ее из рук папского легата. Король Арагонский, князь-католик, занятый бесконечным крестовым походом против мавров, спешит в Рим присягнуть папе и принять от него корону, так как прекрасно знает, что дружба Рима – это гарантия внутренней стабильности.

Папа Иннокентий III умел обращаться с католическими монархами как с вассалами. Но в случае с графом Тулузским папа понимал, что привычное оружие бессильно. Бесполезно предавать анафеме страну, уже почти открыто отпавшую от римской Церкви.

Преступление Раймона VI состояло в том, что он правил страной, где могущество Церкви пошатнулось, а он ничего не предпринимал для изменения такого положения вещей. Крестовый поход против страны, пребывавшей уже 1000 лет в христианской вере, был нацелен на свержение законного суверена и защиту от ереси его подданных. Чтобы спасти Церковь от опасности, грозившей ей с юга Франции, следовало подчинить неблагонадежный край силе, способной действовать без пощады. Программа этой задуманной с размахом операции изложена в письме Иннокентия III королю Франции незадолго до убийства легата: «Твоя задача – согнать графа Тулузского с его земли, очистить ее от сектантов и дать ей добрых католиков, которые под твоим началом смогут верно служить Господу»².

Земли графа Тулузского уже более века славились как рассадник ереси. Правда, во всех христианских странах наряду с воцарением господствующей Церкви постоянно зарождались более или менее серьезные ереси. В эпоху крестовых походов не только славянские страны, но и весь север Италии были охвачены непрерывной войной между католиками и еретиками. На юге Франции еретики, не будучи в большинстве, давно составляли весьма значительную часть населения. Церковь отчаянно сопротивлялась, отлучала, прибегала к помощи светских властей, но ее усилия (по крайней мере, в этом крае) приводили лишь к тому, что ереси стремительно распространялись. И Иннокентию III уже около четырех лет было ясно, что одолеть ересь можно лишь масштабной военной экспедицией.

Убийство Пьера де Кастельно – одно из тех политических убийств, которые (в большей мере, чем расправа с герцогом Анжемским) надо считать не столько преступлением, сколько великим грехом. Есть основания полагать, что сам граф Тулузский вовсе не приказывал убивать. Легат же апостольского престола в Лангедоке, архидиакон Магелонский, аббат-

² Письмо датировано 10 марта 1204 года.

цистерианец из аббатства Фонфруад Пьер де Кастельно уже давно воевал со светской оппозицией церковной власти.

Во имя обращения заблудших Пьер де Кастельно развил бурную политическую деятельность. Вместе со своим приближенным Арно-Амори, аббатом из Сито, он ополчился на лангедокских прелатов, заподозренных в потворстве ереси или, по крайней мере, в неказании ей сопротивления: в 1205 году он отрешил от должности епископа Безье, затем епископа Вивьера. Затем легаты сфабриковали процесс против примата Окситании Беренгера II, архиепископа Нарбоннского. Но тот не дал себя запугать и вступил в открытую борьбу с ними.

Наконец, в конце 1207 года Пьеру де Кастельно удалось создать лигу баронов Юга, в задачи которой входило преследование еретиков. Раймон VI отказался присоединиться к лиге, и, судя по утверждению Петра Сернейского, слуга Господа (Пьер де Кастельно) подталкивал сеньоров Прованса выступить против их сюзерена³. Более того, почувствовав недовольство графа, легат публично отлучает его от Церкви и бросает ему проклятие: «...хорошо сделает тот, кто лишит вас имущества, а тот, кто забьет вас до смерти, получит благословение». Отлучение возымело действие, граф Тулузский сдался и снова произнес обеты, которые от него требовали.

После одной из самых бурных ссор с графом в Сен-Жиле Пьер де Кастельно в сопровождении епископа Кузеранского демонстративно покинул Тулузу. На другое утро у переправы через Рону один из офицеров свиты графа заколол легата мечом.

Оценивая деятельность Пьера де Кастельно, следует заметить, что легат был человеком неуживчивым и умел приобретать врагов. Однако именно в тот момент, когда отношения графа Тулузского с Церковью стали особенно натянутыми, убийство посланника папского престола стало последней каплей, переполнившей чашу. Иннокентий III, давно задумавший крестовый поход против страны, пораженной ересью, получил впечатляющий повод для объявления войны.

Папский престол не располагал наемной армией. Крестовые походы, столь популярные в минувшем двенадцатом веке, были прежде всего войнами добровольных ополчений, хотя в них и участвовали высокопоставленные сеньоры. Папа никак не мог заставить графа Тулузского присоединиться к крестоносцам в том случае, если его не удастся убедить; успех предприятия всецело зависел от доброй воли участников.

Папа велел разослать всем епископам Франции предписания развернуть широкую пропаганду нового крестового похода. Миссионеры, апеллируя к крови Пьера де Кастельно, призывали с церковных амвонов сжалиться над несчастной страной и помочь ей освободиться от скверны ереси. По свидетельству Гильома Пюилоранского, Арно-Амори, чувствуя себя бесильным вернуть Господу заблудших овец, «привлек на свою сторону ту часть Франции, что всегда готова служить Господу, договорился с баронами и королем, а простой народ с восторгом откликнулся на призыв к войне против еретиков во имя Церкви с теми же индульгенциями, что объявлялись всегда для крестоносцев, бороздивших моря во спасение Святой Земли»⁴.

«...А кто не примет крест⁵, да не пьет больше вина и не ест с накрытого стола ни утром, ни вечером, и да не носит он платья ни пенькового, ни льняного, и да будет он после смерти погребен как пес...»⁶. Эти слова, которые автор «Песни» вкладывает в уста Арно-Амори во время его поездки в Рим, никак не могли быть произнесены в Риме, ибо в это время легат был во Франции. Но, видимо, они довольно точно передают обычный тон этого непримиримого прелата.

³ *Петр Сернейский*. Гл. III.

⁴ *Гильом Пюилоранский*. Гл. XV.

⁵ Иными словами – не запишется в армию крестоносцев.

⁶ «Песнь об альбигойском крестовом походе». Гл. VI. С. 131-134.

Пропаганда имела такой успех, что король Франции, который поначалу (из страха потерять изрядную часть своего воинства) старался ограничить размах движения крестоносцев, был вынужден отказаться от своей затеи.

Добровольцы прибывали из Нормандии и Шампани, Анжу и Фландрии, из Пикардии и Лимузена. Крестьяне и горожане, вступавшие в ряды крестоносцев вслед за рыцарями, строились под знаменами своих сеньоров или епископов. Теперь трудно точно оценить размеры армии; цифры, приводимые историками, очень приблизительны. Несомненно, однако, что по масштабам эпохи это была очень большая армия и на современников она произвела сильное впечатление.

2. Крестоносцы

Прежде, чем разобраться детально, чем же была ересь, спровоцировавшая альбигойский крестовый поход, и представить себе ту землю, что стала подмостками одной из самых жестоких драм нашей истории, нужно составить представление о людях, которым хватило дерзости двинуться войной на христианскую страну, близкую им по расе и языку и не имевшую намерений ни на кого нападать.

Выше мы уже говорили, что крестовые походы прочно вошли в обиход западной знати. Помимо четырех крупных крестовых походов сюзерены то и дело снаряжали вооруженные экспедиции, в которых участвовали, кроме их вассалов, добровольцы различных рангов и состояний. В большинстве своем крестоносцы были французами как с севера, так и с юга Франции. Христианская империя, возникшая на Ближнем Востоке, была империей франков. Она непрерывно нуждалась в новых силах, и западные королевства вот уже сто лет исправно платили в Святой Земле тяжелую дань человеческих жизней.

Отнюдь не все воины-пилигримы вдохновлялись бескорыстными чувствами. Церковь, без разбора благословлявшая всех участников крестового похода, вплоть до честолюбивых авантюристов, разбойников и грабителей, вселяла в них уверенность в том, что их опасное занятие есть самый завидный для воина способ служения Господу и спасения души. Так что крестоносцы, отправлявшиеся в Святую Землю, извлекали немалую выгоду из папского благословения, получая и отпущение всех грехов, и весомый шанс прославиться и разбогатеть.

Идея такого вдвойне выгодного предприятия завораживала. Правда, поражение за, поражением в Сирии и Палестине и приближающийся крах империи франков несколько поумерили пыл искателей приключений, а новая латинская империя в Константинополе при всей перспективности не имела притягательности Гроба Господня. Но даже при этом многие воины – прежде всего во Франции – успели приобрести такую же потребность в крестовых походах, как мусульмане – в паломничестве в Мекку. Поэтому не следует удивляться тому, что новый папский призыв был благосклонно воспринят в северных провинциях Франции.

Индюльгенции, обещанные за новый крестовый поход, были те же, что и за походы в Святую Землю, а сил на него требовалось гораздо меньше. Ко всему прочему, это был удобный повод отсрочить уплату долгов и уберечь свое добро от случайных посягательств, так как имущество крестоносца объявлялось неприкосновенным на все время похода.

В итоге солидную часть крестового воинства – будь то рыцари, горожане или простой люд – составляли те, кто, крепко нагрешив, жаждал Божьего прощения, те, кто, запутавшись в долгах, спасался от кредиторов и прежде всего те, кто дал обет вернуться в Святую Землю и теперь был рад от него уклониться, отправившись поближе. Все они готовились к походу в оружейных залах и караульных помещениях графских и епископских замков рядом с воинами-профессионалами, воспринимавшими каждый повод подраться как подарок судьбы. И все они нашивали крест на свое походное платье, что само по себе было могучим эмоциональным стимулом даже для самых сдержанных.

В иных условиях никакой папской анафеме не удалось бы в глазах этих людей превратить в одночасье графа Тулузского в вероотступника и предателя.

Лангедок не отделяли от Франции ни моря, ни тысячи лье. И все же это была чужая, почти враждебная страна. Южные бароны, стремясь сохранить независимость, опирались то на короля французского, то на английского, входили в альянс то с королем арагонским, то с императором германским. Признавая себя вассалом короля Франции, граф Тулузский на деле был для него не столь подданным, сколь малонадежным соседом, и привык принимать сторону то Германии, то Арагона, королю которого приходился шурином, а тот, в свою очередь, был

дядюшкой единственного графского сына. Лангедуальские⁷ бароны, даже не будучи вассалами короля, были французами по национальной традиции и культуре и не желали иметь ничего общего с теми, кого они пренебрежительно называли «провансальцами».

Первыми из крупных баронов приняли крест Эд II, герцог Бургундский, и Эрве IV, герцог Неверский. Эти сеньоры знали, за что идут сражаться: ересь уже проникла на их территории, и они желали пресечь ее дальнейшее распространение. Рыцарей, воодушевленных чистой и бескорыстной верой и подобно Симону де Монфору или Ги де Левису считающих себя истинными «воинами Господними», съехалось на призыв Иннокентия III тоже достаточно много. Правда, французская знать давно уже привыкла смешивать свои собственные интересы с интересами Господа.

Вера крестоносцев, бестрепетно уничтожавших во славу Божию себе подобных, сегодня поражает своей примитивной прямолинейностью: простая человеческая мораль отступала, когда ставились на карту интересы Бога. Последний же был тогда настолько ближе к людям, что никого не шокировала странная приземленность его потребностей. Во Франции, как и в других христианских странах, вера была живой и глубокой – и поэтому имела склонность к крайним проявлениям. Пронизывающее и общественную, и личную жизнь религиозное чувство доходило до буквального символизма, который мы сегодня принимаем чуть ли не за фетишизм. Изучая историю альбигойских войн, не следует забывать, что людьми двигали не только политические мотивы, но и глубокие чувства, страсти, не будь которых – не было бы жестокостей, отличавших эти войны. Да и самих войн могло не быть.

Война не являлась ни результатом деяний нескольких фанатиков или авантюристов, ни реакцией римской Церкви на ересь. В ней отразились глубинные процессы, свойственные средневековой цивилизации с ее концепцией Бога и мироздания. До наших дней не обращалось должного внимания на то, что в XII и XIII веках с особой силой проявлялось стремление выразить сверхъестественное в простых, конкретных и реальных формах. Преследуя или монополизировав в зависимости от своих выгод те или иные образы античной или кельтской мифологии, Церковь превратила святых в фольклорные персонажи, а языческих богов или полубогов – в святых. Христианин обитал в мире, где жития святых и Священная История занимали то место, которое в наши дни занимают театр, кино, иллюстрированные журналы и нянюшкины сказки. Светская литература, в большей мере чуждая религии, существовала в виде «малого жанра» и была доступна узкому кругу грамотной и лишь поэтому читающей элиты. Творчество же молодых западных народов, жадных до всего нового, находивших поэзию даже в самых будничных занятиях, было целиком пронизано религиозностью, зачастую принимавшей языческие формы, едва тронутые христианизацией.

Каждый собор был настоящей Библией для бедных, более того – огромной книгой, которая вводила верующего в мир истории, науки, морали, знакомила с тайнами прошлого и будущего. Современное состояние соборов XII века не дает нам полного представления об их былом великолепии. И снаружи, и изнутри они были изукрашены и раззолочены, статуи и фронтоны главных входов были разноцветными, нефы, расписанные фресками, покрывали ковры, драгоценные восточные ткани, расшитые золотом знамёна. Ларцы с мощами, алтари и чудотворные образа были зачастую сокровищами, бесценными и по материалу, и по исполнению. Народ бедствовал, разбогатевшая буржуазия была эгоистична, знать афишировала свою расточительность, прелаты старались не отстать от знати ни в роскоши, ни в драчливости. И если в этих краях, где постоянно вспыхивали междоусобицы, эпидемии, пожары, люди голодали, на дорогах не было спасения от грабителей, храмы сохранялись в первозданной красоте – вера была крепка. Такое упорное стремление материализовать божественное начало свиде-

⁷ Происхождение названия Лангедок – язык «ок», южное наречие. Северное наречие – тот язык, который мы называем французским, – именовался Лангедуаль, язык «уаль».

тельствует о глубокой любви к близкому, осязаемому, понятному идеалу и презрении к человеческой жизни. Храмы воздвигала вера почитателей священных реликвий.

Французы-северяне отнюдь не все были почитателями папы. В 1204 году епископы Франции выступили против легатов, пытавшихся помешать Филиппу Августу заключить мир с Англией. Бароны пребывали в постоянной вражде с аббатами и епископами, а простой люд не желал платить церковную десятину. При всем том население было глубоко религиозно и относилось к священным местам как к своему национальному достоянию. А поскольку ересь, охватившая окситанские земли, резко противостояла любым движениям римской Церкви, то миссионерам, мобилизованным легатом Арно, не составило большого труда натравить толпу на «врагов Господа».

Слухи, которые кочевали по городам Франции и которым вторит хронист Петр Сернейский, – еще не самое ужасное из всего того, что рассказывали о еретиках. Добрых католиков преследовали образы солдат из свиты графа Фуа, оскверняющих церковный алтарь, режущих каноников или толкущих пряности руками или пятками разломанных распятий. Еретики отрицали Святое Причастие и утверждали, что вкушающий облатку, символ тела Господня, впускает в себя демона; они поносили святых и объявляли их окаянными. Слова папы «они хуже сарацинов» походили при этом на сущую правду. Аудитория римских проповедников вовсе не состояла из гуманистов, и образ разбитого распятия действовал на нее сильнее, чем вид растерзанного человека.

Король вел себя как человек государственный, не проявлял особенной обеспокоенности развитием ереси, а к крестовому походу был расположен даже менее, чем того требовали приличия. Он написал папе, что сомневается в законности такого предприятия и примет крест лишь после того, как папа обяжет короля Англии не вторгаться во Францию и узаконит специальный налог для содержания крестоносцев. В феврале 1209 года, в разгар подготовки армии к выступлению, Иннокентий III пишет Филиппу Августу: «Тебе мы особенно доверяем в деле Церкви Божией. У армии правоверных, поднявшихся на борьбу с ересью, должен быть командир, которого слушались бы беспрекословно. Мы просим Твою Королевскую Светлость выбрать своей волей человека решительного, благоразумного и законопослушного, который повел бы под твоим знаменем бойцов за святое дело»⁸. Но король и сам откажется, и сына не пошлет, и даже не возьмет на себя ответственность назначить доверенного действовать от его имени. И крестовый поход, в котором папа хотел использовать короля Франции как легальное светское оружие Божьего суда, останется тем, чем он и был на самом деле: войной, развязанной Церковью. Бароны, принявшие крест, станут солдатами Церкви, а в военачальники себе выберут папского легата, аббата из Сито Арно-Амори.

Очередь короля Франции придет позже.

Среди баронов, принявших крест в 1209 году, известны уже упоминавшиеся Эд II, герцог Бургундский, Эрве IV, граф Неверский, а также Гоше де Шатийон, граф де Сен-Поль, Симон де Монфор, Пьер де Кутерней, Тибо, граф де Бар, Гишар де Боже, Готье де Жуаньи, Гийом де Роше, сенешаль Анжуйский, Ги де Левис и другие. Военачальниками были также и архиепископы Реймский, Санский, Руанский; епископы Отена, Клермона, Невера, Байе, Лизье, Шартра, приняв крест, возглавили экспедиционные корпуса, состоящие как из воинов, так и из пилигримов, несведущих в военном искусстве, но жаждущих послужить делу Господа.

Прошел год со дня смерти Пьера де Кастельно, и Лангедок начал понемногу осознавать нависшую над ним опасность.

Графа Тулузского, при всем уважении к нему крестоносцев его сословия, дискредитировали слухи о причастности к убийству легата, а поскольку это преступление не являлось достаточным поводом для ostracизма у баронов, которые сами вечно были на ножах с клерикалами,

⁸ Письмо Иннокентия III Филиппу Августу от 9 февраля 1209 года.

то папская пропаганда была вынуждена сгущать краски до самой черной. Петр Сернейский, верный представитель экстремистского клана Христова воинства, явно возводит напраслину на ненавистного графа. И нравы его омерзительны, он не чтит таинство брака (невелик грех, среди баронов тех времен верные мужья – большая редкость), и женат он был пять раз, и две из его отвергнутых жен еще живы, и в юности он соблазнял наложниц собственного отца (правда, обвинение запоздалое, графу уже 52 года). Его причастность к убийству Пьера де Кастельно всем известна (хотя сам папа осмеливался выражать лишь полууверенность). В качестве доказательства хронист приводит рассказ о том, как Раймон VI водил убийцу по своему домену и говорил при этом: «Смотрите на этого человека, он один любит меня по-настоящему и сумел сделать все, что я пожелал...» Эти слова казались горькой иронией. Но вряд ли Раймон VI мог позволить себе подобную шутку: осторожный политик, не забывающий о сохранении выгоды, граф Тулузский если бы и повелел убить (что само по себе маловероятно), то уж никак не назвал бы исполнителя. А если убийца и не был наказан, то, по-видимому, лишь из уважения к общественному мнению: в тех краях поднявший руку на ненавистного легата выглядел в глазах сограждан героем. Здесь и папа, и вожди крестоносцев не ошибались: ответственность за убийство взяла на себя вся страна, и графа можно было сдать толпе правоверных только как хозяина этой страны. А вина его в глазах правоверных была чудовищной: он не только относился к ереси спокойно, он ей потворствовал.

Свидетельства тому многочисленны, и вряд ли все они исходят от врагов графа. Утверждали, что он окружал себя еретиками, оказывал им подчеркнутое уважение и даже подумывал отдать им на воспитание сына. Известно было, что он не только систематически преследовал церкви и монастыри, но и, присутствуя при мессе, заставлял своего шута передразнивать священника. Его видели преклоняющим колена перед служителями еретического культа, однажды в припадке ярости он вскричал: «Воистину этот мир создан дьяволом – ничего не получается, как я хочу!» Короче говоря, устами Петра Сернейского (склонного к словесной невожатности, но точного выразителя образа мыслей своего круга) Церковь считала графа «порождением дьявола, пропащим преступником, сосудом греха»⁹. Иннокентий III в оценках не отставал: «...жестокий и безжалостный тиран, человек бесчувственный и презренный»¹⁰.

Но именно здесь Церковь и крестоносцы натолкнулись на самое серьезное затруднение – «безжалостный тиран» молниеносно объявил противникам, что всегда был сеньором христианской земли, обратился за поддержкой к королю Франции и императору Германии, а после неудачи (монархи были на ножах и оба потом не простили графу этого демарша) объявил себя послушным сыном Церкви, готовым подчиниться любым условиям папы.

Историки подвергли решение графа Тулузского жестокой критике, усмотрев в нем доказательство коварства, или, по крайней мере, слабости. Но не тот человек был Раймон VI, чтобы сказать: «Все пропало, кроме чести». Казалось, честь его мало волнует, он стремится уменьшить тяготы и бедствия войны, которые падают на всех его подданных, и еретиков, и католиков, состоявших в явном большинстве. Доказательства твердой веры графа нужны были прежде всего им, а у своих противников граф выбивал почву из-под ног: если нет врага, то с кем воевать? Ересь, враг без лица, не имеет ни армий, ни штабов, ни короля, ни папы. Война, лишенная конкретного противника, теряет смысл.

Но останавливать Божье воинство было уже поздно. Покорность графа никого не обескуражила и лишь разожгла ненависть его врагов, ослабив их позицию и никак не послужив интересам Церкви. И армия солдат христовых вторглась в страну, прекрасно понимавшую всю чудовищную несправедливость этого шага. Религиозная война стала войной национальной.

⁹ Петр Сернейский. Гл. VI.

¹⁰ Письмо Иннокентия III Раймону VI от 20 мая 1207 года.

3. Окситания

Пока крестоносцы готовились к войне, папа Иннокентий III, на все лады проклиная графа Тулузского, вел с ним переговоры. Граф обещал полное повиновение. Он лишь хотел обсуждать сроки капитуляции с другим легатом, а не со своим заклятым врагом Арно-Амори. Папа направил к нему латранского нотариуса Милона и генуэзского каноника мэтра Тедиза. Однако если граф думал получить более милосердных судей, то ошибся – эти двое были во всем послушны аббату из Сито. «Все сделает аббат из Сито, ты лишь будешь инструментом в его руках. Он у графа на подозрении, ты – нет».

В своей игре папа отвечал ложным милосердием на ложное повиновение, о чем и писал своим полномочным представителям (аббату из Сито и епископам Рица и Кузерана): «Нас настойчиво спрашивают, как следует вести себя крестоносцам в отношении графа Тулузского. Последуем совету апостола: «Я взял вас хитростью...» Воспользуйтесь мудрым умолчанием, дайте ему до поры повоевать с мятежниками. Так будет легче сокрушить споспешников Антихриста, нежели дать им объединиться для сопротивления. И тем проще мы справимся с ними, если граф не бросится им помогать. Быть может, зрелище их полного краха поможет графу опомниться. Если же он будет упорствовать в своих заблуждениях, то, изолировав и ослабив его, можно будет без труда с ним покончить».

В Сен-Жиле, где погиб Пьер де Кастельно, в июне 1209 года состоялась церемония публичного покаяния. Казалось, справившись с недругом, Церковь ясно дала понять, чего стоит могущество сильных мира сего перед лицом могущества Бога.

Три архиепископа и девятнадцать епископов собрались в просторной церкви Сен-Жиля, которая и по сей день свидетельствует о богатстве и огромном авторитете графов Тулузских. Толпа высокопоставленных сановников, вассалов и писцов заполнила церковь и пространство перед папертью. Между двух огромных львов, стерегущих вход в храм, были выставлены особо почитаемые святыни. Графа в покаянной одежде, с веревкой на шее, голого по пояс вывели на паперть, и он, положив руку на ковчег со святыми мощами, поклялся в повиновении папе и легатам. Тогда Милон, набросив ему на плечи епитрахиль, произнес публичное отпущение грехов и, хлеща его розгами по спине, повел в церковь. Толпа, хлынувшая следом, забила церковь до отказа, полностью заблокировав вход. Графа ввели в крипту, где был похоронен Пьер де Кастельно. Современники, везде видевшие знамения, усмотрели в этом совпадении кару за совершенное преступление.

Перед этой жестокой церемонией графу вменялось в обязанность подписаться под следующими условиями: он должен принести публичное покаяние всем епископам и аббатам, с которыми враждовал; он лишался всех прав на епископства и религиозные заведения; он был обязан распустить всех рутьеров и наемников, защищавших его владения; не доверять важных должностей евреям; не поддерживать еретиков и выдавать их крестоносцам; считать еретиками всех, на кого донесло духовенство; представлять на рассмотрение легатов все жалобы на них; соблюдать все условия мирных соглашений, продиктованные легатами. Этим актом повиновения граф, по сути дела, признавал в своих владениях настоящую диктатуру Церкви. Он, однако, рассудил, что не все статьи договора реально выполнимы и что время работает на него.

Тотчас же по отпущении грехов Раймон VI внезапно изъявляет желание принять крест – неожиданное решение, если учесть, что граф всегда старался уберечь еретиков. «Очередное лукавство! – пишет Петр Сернейский. – Этот человек принял крест лишь для того, чтобы огранить себя и свои владения и скрыть свои чудовищные планы»¹¹. Совершенно очевидно, что Раймон VI пытался добиться доверия папы через головы легатов, от которых не ждал ничего

¹¹ *Петр Сернейский. Гл. XIII.*

хорошего. На это 26 июля Иннокентий III пишет ему: «Сначала ты был причиной серьезного скандала, теперь стал примерным христианином... Мы желаем тебе только добра. Можешь быть уверен, мы не допустим, чтобы тебя обижали»¹². Дипломатический пассаж, ни к чему серьезному не обязывающий. Но Раймон VI разыгрывает эту карту до конца.

Граф Тулузский – не единственное главное действующее лицо драмы, которая разворачивалась в его владениях; его личность – зеркало противоречий, слабостей, грехов и добродетелей его страны. Его поведение не столько продиктовано собственными стремлениями, хорошими или дурными, сколько в точности следует всем сложным поворотам ситуации, в которой очутилась Окситания в годину бедствий. Человеческий характер графа не противоречил его роли, и никак нельзя сказать, чтобы ноша была ему не по плечу. Он настолько идентифицирует свои интересы с чаяниями населения Окситании, что воспринимается уже не просто как правитель, а скорее как поистине законный суверен, чье предназначение – быть символом своего народа. Со всеми своими слабостями и недостатками Раймон до конца остался гуманистом перед лицом бесчеловечности своих противников, порожденной религиозным фанатизмом, амбициями или просто невежеством. Так что в эпоху, когда приговоры народам выносились на основании поведения правителей, он совершил серьезную ошибку, которая не могла остаться безнаказанной: он был правителем терпимым.

Терпимость не считалась добродетелью, и, несомненно, Раймон VI никогда ею не похвалялся. Его предки так же жгли еретиков, как и все короли по соседству. Но к концу XII века ересь распространилась настолько, что, судя по букве закона, людей надо было сжигать тысячами и пускать по миру не одну страну. Граф не мог далее преследовать еретиков просто потому, что они составляли большую часть его подданных. То, что для других стран было чудовищно скандальным, для юга Франции давно стало злом неизбежным, которое уже и злом не назовешь. «...Отчего же, – спрашивал Фульк, епископ Тулузы, рыцаря Понс Адемара, – вы не прогнали еретиков с ваших земель?» «Мы не можем так поступать, – отвечает рыцарь, – мы выросли с ними, у нас есть среди них родственники, и мы видим, что они – люди честные» (Гильом Пюилоранский). И далее историк продолжает: «Так заблуждение под личиной порядочности внесло смуту в слабые головы».

Таковы факты.

Попробуем все же разобраться, как могло случиться, что целая страна, долгое время исповедовавшая католические традиции, пришла к молчаливому одобрению религиозного течения, ставившего своей целью разрушение католической Церкви.

Чтобы понять такое, нужно бросить хотя бы беглый взгляд на историю Окситании XII века, на политическую и социальную обстановку и, прежде всего, на духовный и моральный климат этой провинции, которая являлась в ту эпоху крупным очагом западной культуры.

Владения графов Тулузских были столь же обширны, как и земли, прямо подчинявшиеся французской короне. Страна «языка ок» (*langue d'oc*) не отличалась особым могуществом, хотя и обладала независимостью. Статус графа Тулузского, вассала короля Франции, считался ниже, чем, к примеру, статус графа Шампанского или герцога Бургундского. Однако от Тулузы до Парижа далеко, наречие севера Франции отлично от южного, и власть французского короля на юге в значительной мере номинальна. С другой стороны, граф Тулузский получил часть своих доменов от английского короля, сюзерена еще более далекого и тем более – номинального. Крупные вассалы графа Тулузского одновременно являются вассалами короля Арагона, который в Лангедоке владеет Монпелье и виконтствами Карла и Мийо. Арль – имперское владение... Такое многообразие сюзеренов *de facto* гарантирует независимость страны: пока император далеко, король Англии озабочен защитой своих обширных владений от посягательств короля Франции, король Арагона расширяет свои земли по ту сторону Пиренеев и

¹² Письмо Иннокентия III Раймону VI.

занят бесконечной войной с маврами, а король Франции пытается распространить свою власть до естественных границ окрестных земель – граф Тулузский может жить спокойно. Все эти сюзерены с их борьбой за сферы влияния для него лишь покровители, но никак не хозяева.

Это не мешало, правда, англичанам и арагонцам опустошать в XII веке земли Тулузы и Руэрга, подчиняя постепенно графство Тулузское своему влиянию. Раймон V, отец Раймона VI, всю жизнь оборонялся от опасных соседей, а его главные вассалы – графы Монпелье, Фуа и Коменжа и виконт Безье – считались союзниками арагонского короля. Раймон V приходился шурином Людовику VII, будучи женат на его сестре Констанс, и король не раз защищал его от англичан. Однако он так обращался с женой, что рассорился с французским королем и принес вассальную клятву Плантагенетам. Престарелый король Англии, Генрих II, воевал в то время со своим сыном, Ричардом Львиное Сердце, который не преминул с отрядом рутьеров ворваться в тулузские земли. Как видим, политическая ситуация была достаточно напряженной, но графы Тулузские свою независимость отстояли. Короли же Франции, Англии и Арагона, домогаясь союза с династией Раймонов Тулузских, выдавали за них замуж своих сестер. И на своей земле Раймоны не подчинялись никому.

В то же время в собственных провинциях их власть была столь же эфемерна, как и власть королей Франции в их владениях. Тренкавели, виконты Безье, имевшие в подчинении Каркассе, Альбигуа и Разе и владевшие землями от Тарна до Пиренеев, считались вассалами арагонского короля. На протяжении всего XII века графы Тулузские вели безуспешную борьбу с возрастающим могуществом Тренкавелей. Графы Фуа, сидевшие у себя в горах, тоже не очень подчинялись Тулузе, с которой их объединяло лишь соперничество с Тренкавелиями. Объединение вассалов против Тулузы то складывалось, то распадалось, в зависимости от сиюминутных интересов его участников.

Все это наводило бы на грустные размышления о политической ситуации в Лангедоке накануне крестового похода, если бы дела на остальных западных территориях обстояли хоть немного лучше. Но и французские короли воевали с лигой вассалов, и в Англии феодалы ссорились с королями, примкнувшими к Великой Хартии, и земли Германии и Италии были ареной постоянной войны имперцев за свои местные интересы... В эпоху, когда моральные обязательства человека перед сеньором и Церковью были, казалось, реальны и непрерываемы, действия этого человека во многом следовали пословице «Мой дом – моя крепость». Люди не рассуждали о свободе, но поступали так, как если бы не имели иных идеалов и ценностей кроме этой свободы. Города восставали против законных сеньоров, едва заподозрив их в посягательстве на права самоопределения. Епископы не подчинялись королям и даже папам, сеньоры воевали с епископами – словом, понятие собственной чести для всех было главенствующим. На юге Франции этот образ мыслей достиг апогея, поскольку страна гордилась своей древней культурой, богатством, славным прошлым и жадно воспринимала все новое.

Таким образом, получалось, что на деле граф Тулузский вовсе не был полновластным хозяином своих вассалов. В собственных владениях он не мог даже созвать армию, а был вынужден ее нанимать. При необходимости собрать своих вассалов граф часто не знал, к кому обращаться; в отличие от северных провинций, где наследовал старший сын, на юге наследственное имущество делилось между всеми детьми умершего, и через несколько поколений замки насчитывали по 15-16 совладельцев, которые, в свою очередь, в результате брака или наследования, были совладельцами еще и других замков. На деле крупные владения имели не хозяев, а управляющих. Братья и кузены не ладили друг с другом, и фьеф не составлял военного единства, как это было во Франции.

В крупных городах граф тоже не был властелином. Каждый из городов представлял собой суверенную республику и подчинялся суверену только тогда, когда последний оставлял его в покое. Находясь на перекрестке торговых путей, города на юге Франции процветали в большей мере, чем в других местах. Буржуа пользовались огромными привилегиями. Все обита-

тели города получали с момента поселения статус свободных граждан, гарантировавший такой уровень защиты, при котором никто, кроме городского трибунала, не имел права их судить, если даже они совершили преступление в сотне лье от стен города.

Город управлялся консулами; этот пережиток римского права все еще составлял основу локальной юрисдикции. Консулы или капитулы выбирались из буржуа и городской знати, и здесь буржуа были уравнены в правах с рыцарями. Такой измены кастовым традициям северная знать никогда не простит южанам. Богатый буржуа являлся крупным сеньором, и уверенность в своих правах позволяла ему соперничать с рыцарем. Ради защиты своих свобод буржуа не останавливались ни перед чем: в 1161 г. жители Безье убили в церкви Магдалины своего епископа. За это они были жестоко наказаны, но дух свободолюбия маленьких республик только укреплялся и ожесточался в борьбе с превышениями власти.

Церковь, институт наднациональный, принципиально организованный и подчиненный единственному руководителю, вынуждена была в силу обстоятельств подпасть под влияние всех этих беспорядков. Она жестоко преследовалась наравне со светскими властями, ее богатства порождали вожделение, ее авторитет воспринимался как посягательство на независимость каждого прихожанина. Епископы имели зычные голоса, крепкие кулаки и по праву считали себя хозяевами страны после Бога и папы. Но претензии эти не были ничем оправданы. Как и все крупные феодалы, они владели землями, приносившими изрядный доход, и часто их больше заботила защита собственных владений, чем наставление паствы на путь истинный. Их можно понять: волком завоешь, когда под угрозой окажется гарант моральной свободы Церкви – ее наследственные земельные наделы.

Не внемля увещаниям папы, епископы становились все более непопулярны в своих диоцезах. Население не помогало им отражать набеги феодалов, их обвиняли в праздности, в безразличии к бедным и в пристрастии к крестовым походам. Аббаты, тоже жившие, как баре, благодаря богатству монастырей, также встречали не лучший прием. Низшее духовенство совсем отбилося от рук и впало в такую немилость, что епископы зачастую вербовали кадры буквально из первых встречных. По свидетельствам всех католических документов той эпохи, Церковь на юге Франции не имела ни престижа, ни авторитета: она была «мертва». Католическое население было вынуждено либо довольствоваться Церковью, которая вводила в искушение даже лучших прихожан, либо искать другой выход для своих духовных устремлений.

При всем том Окситания вовсе не походила на преисподнюю, где царят хаос и анархия: она была страной не самых строгих правил, но в то же время страной крепкого единения. Это было единение цивилизации, незримая нить, связующая детей одной земли общим образом мыслей и чувств. В конечном итоге, вовсе не одно лишь богатство буржуа заставляло рыцарей считаться с ними. И династия графов Тулузских, вечно занятых распрями со своими вассалами и епископами, пользовалась в народе любовью и безусловным уважением.

Окситанские крестьяне жили в достатке, несмотря на частые войны, раз за разом опустошавшие их поля. На дорогах, по свидетельству современника (аббата Этьена из Сен-Женевьев, будущего епископа Турне), разбойничали баски и арагонцы, те самые рутьеры-наемники, к услугам которых, помимо регулярной армии, часто прибегали южные бароны. Однако у дорог селения попадались редко, по большей части поля и виноградники находились под защитой городских стен, в хорошо укрепленных предместьях. Земля обильно плодоносила, и процветание города напрямую зависело от достатка крестьянских хозяйств. Не только буржуа, но и большинство крестьян считались свободными людьми, и в тех фьефах, где было несколько хозяев, они практически не подчинялись никому.

Буржуа – это привилегия: буржуа не только свободен, он пользуется поддержкой общины, и развитие торговли и ремесленничества вот-вот приведет к образованию класса с осознанием собственного достоинства и собственных прав. В развитии Лангедока мощь буржуазии сыграла определяющую роль. Земля трубадуров была землей большой торговли, где социальная значи-

мость буржуазии начала затмевать социальную значимость знати. Правда, то ли из комплекса приниженности, то ли из снобизма, буржуа все еще домогались титулов. Но эта роскошь не имела смысла: когда буржуа реально уравнились с аристократией, это и так означает, что они в силе.

Важнейшими торговыми артериями, по которым шли с юга на север и с севера на юг товары и сырье, были Рона и Гаронна, а важнейшими торговыми портами издревле считались Марсель, Тулуза, Авиньон и Нарбонна. Крестовые походы, обогатившие западные города, принесли удачу и Лангедоку – одновременно и «проходному двору», и ключу к восточным землям. Отбывающие покупали здесь все необходимое, прибывающие продавали трофеи; местная знать – бродяги и авантюристы – за бесценок отдавала свое имущество банкирам, финансировавшим очередной поход в Святую Землю. И часто выходило, что свободы и привилегии, которые невозможно отобрать силой, община покупала у своего суверена, вечно рыскающего в поисках денег. Горожане признавали только консульскую власть, а граф Тулузский, не имевший легальных полномочий, мог добиться послушания своих подданных только в рамках общинных законов.

Все горожане пользовались правом купли, продажи и обмена без налогов и податей. Браки были свободными. Подданные других стран пользовались теми же правами без расовых или религиозных ограничений. Община была центром общественной жизни, выборы консула выливались в грандиозные празднества наравне с религиозными – с процессией и колокольным звоном во всех церквях. Вся жизнь горожанина от рождения до смерти была связана с городской улицей, и получение благословения на брак у священника явно уступало в торжественности моменту, когда новобрачные проходили перед облаченными в парадные красные одежды с горностаевой опушкой консулами, которые вручали им цветы и фруктовые ветви. Так общественная жизнь коммуны, пронизанная религиозными обычаями и духом, становилась мощным фактором секуляризации.

Пышность южных городов возбуждала вполне понятную зависть северных. Ни Париж, ни Руан не шли ни в какое сравнение с Тулузой или Авиньоном. Великолепие романских церквей в южных городах, уцелевших во время войн и не разрушенных временем, может дать представление о том, как прекрасны были сами города, очаги расцвета ремесел, искусств, важнейшие религиозные и культурные центры. В крупных городах имелись математические, медицинские, философские и астрологические школы. И не одна Тулуза, но и Нарбонна, Авиньон, Монпелье, Безье были университетскими городами задолго до открытия там университетов. В Тулузе философия Аристотеля преподавалась наряду с новейшими достижениями арабской философии, в то время как в Париже она все еще находилась под запретом церковных авторитетов. Это существенно поднимало престиж тулузской школы.

Постоянный контакт с мусульманским миром устанавливался благодаря купцам и арабским врачам, приезжавшим с востока и из-за Пиренеев. Иноверцы вовсе не считались врагами. Евреи, многочисленные и сильные, как и во всех больших торговых городах, тоже не были исключены из общественной жизни в силу религиозных предрассудков. Их врачи и учителя пользовались большим почтением, у них были свои школы, где занятия велись бесплатно, иногда в форме публичных лекций, и многие горожане не считали для себя зазорным их посещать. Нам известны имена доктора Абрахама из Бокэра, мудреца Симона и раввина Якова из Сен-Жиля. Иудаистские и мусульманские апокрифы имели хождение среди духовенства и населения. Более того: евреи входили в состав консулатов и магистратов некоторых городов.

Так что хорошо это или плохо, но в Окситании светская жизнь начала постепенно наступать на религиозную и теснить ее.

Знать «плыла по течению». Одни историки представляют ее пустой, легкомысленной, «дегенерировавшей», другие видят в ней красу рыцарского и куртуазного духа эпохи. Но, видимо, в последнем случае это была «обуржуазившаяся» образованная знать главным обра-

зом невоенного склада, начавшая уже забывать, что ее традиционное предназначение и смысл жизни заключены в военном ремесле. Хотя, когда на карту ставились интересы окситанского рыцарства, оно становилось весьма драчливым и ничуть не уступало в удали северянам.

В разрозненной, децентрализованной стране, которой, по большому счету, не от кого было обороняться, всякий дрался лишь за себя, враги быстро становились приятелями (и наоборот), а постоянное мелкое соперничество никем не принималось всерьез. И так же мало, как они считались с мнением друг друга, буржуа и знать прислушивались к увещаниям Церкви, потерявшей силу и авторитет, а, следовательно, уязвимой. Епископы разорялись в стычках с крупными и мелкими баронами, самих же баронов столкновения с клерикалами мало заботили, они были выше этого.

Далеко было время, когда ряды того класса, который мы называем интеллигенцией, пополняла почти исключительно Церковь. Уже более века в христианских странах книжное слово было воспринято светской культурой, и латынь перестала быть единственным литературным языком. Литература занимает все большее место в жизни не только высших классов, но и простонародья. Северные французы, немцы и англичане охотно читают романы, наряду с религиозным театром робко заявляет о себе театр светский, а поэзия и музыка становятся повседневной необходимостью и для знати, и для буржуа.

Любопытный факт: литература юга Франции не оставила нам романов, а вот южная поэзия занимает в Европе ведущее место и по древности, и по силе лирического вдохновения. Ее превосходство повсеместно признавалось, ей подражали в германоязычных странах, а для французских, итальянских и каталонских поэтов единственным литературным языком считался окситанский. Не забудем, что и Данте намеревался поначалу писать свою «Божественную комедию» на языке «ок».

Для нас невозможно помыслить о южной аристократии, чтобы на ум сразу же не пришли трубадуры: увлечение поэзией было исключительно сильно, и аристократы старались выстраивать свое поведение согласно литературному идеалу эпохи. При этом, естественно, знать во многом витала в облаках, хотя, если вдуматься, то и аристократы времен Людовика XIV считали за особую честь присутствовать при утреннем туалете короля. А для рыцаря XII века честь предполагала определенное презрение к благам мира сего, соединенное с преувеличенным почтением к собственной персоне. Что же такое по сути своей есть обожание Прекрасной Дамы, божественной и недостижимой Возлюбленной, как не желание заявить во всеуслышание, что объект поклонения определяется не божественным промыслом, а собственным выбором?

Позднейшие толкователи договорились до того, что объявили Прекрасную Даму то ли образом катарской Церкви, то ли неким эзотерическим откровением. Действительно, поэмы некоторых трубадуров имеют схожие черты с мистическими арабскими поэмами. Но это, без сомнения, реминисценции чисто литературные, поскольку в ту эпоху никому не приходило в голову видеть в поэзии что-либо, кроме воспевания любви. Но не менее справедливо и другое: поэзия трубадуров воспевает, скорее, путь морального и духовного обновления через любовь, чем самое любовь. Все эти терзания, вздохи, долгие ожидания и смерть ради метафоры одновременно искренни, страстны и нереальны. Кажется, что поэт прежде всего стремится поведать миру о красоте своей страдающей души.

Это беспокойное эгоистическое общество, с его безумным и страстным расточительством (достаточно вспомнить владетеля Венуса, приказавшего на потеху гостям сжечь живыми 30 лошадей), с его пристрастием к наиболее бесполезным из искусств, с его жадной несбыточной любви, свидетельствует нам об определенных особенностях образа жизни аристократии. За показной фривольностью скрывается, быть может, желание отстраниться, отказ серьезно относиться к вещам, которые того не стоят. Но когда придет опасность, то, оправившись от потрясения, окситанская знать сумеет постоять за себя, покажет пример несгибаемого патри-

отизма и докажет, что ее слабость как силы политической вовсе не означает отсутствия силы жизненной.

Нам доподлинно известно, что аристократия не только терпимо относилась к ереси, но и всячески ее поддерживала. Таким образом, новая религия завоевала тот единственный класс населения, который мог отстаивать дело Церкви с оружием в руках, как того требовал крестовый поход.

Окситанская земля, изначально католическая, естественным путем, без подталкивания и революций, стала землей ереси. Новая доктрина так хорошо акклиматизировалась, что уже невозможно было отличить зерна от плевел; оставалось либо не обращать внимания, либо идти до конца. В безжалостной войне, длившейся более 10 лет, еретики были, однако, лишь поводом. Вожди крестового похода стремились подчинить себе всю страну. Помимо ликвидации ереси, крестовый поход придаст им новые силы. Но на это потребуются столетия, и достичь этого удастся лишь ценой обессиливания и обескровливания Окситании.

ГЛАВА II ЕРЕСЬ И ЕРЕТИКИ

1. Истоки

Существование ересей неотделимо от существования самой Церкви: где догма – там и ересь. Вся история христианской Церкви есть история борьбы с ересями, такой же кровавой и беспощадной, как и с нехристианскими религиями. Начиная с VI века Западная Европа уже оправилась от шока, вызванного внешними нашествиями¹³, но все еще жила в страхе перед новыми. В религиозной жизни наступила относительная стабильность, и Церковь пользовалась авторитетом и уважением.

Тем не менее, ереси возникали снова и снова. Деятельность поверженных последователей ариан и манихеев постоянно возрождалась то в виде молчаливого компромисса с ортодоксальной Церковью, то в виде открытой оппозиции. Злоупотребления, неизбежные для господствующей Церкви, постоянно порождали реформаторские устремления, которые часто принимали характер ересей, расходящихся с официальной доктриной. Сельские ереси походили на еле тронутый налетом христианства кельтский мистицизм, ереси монастырские были плодом отважных монашеских медитаций или зарождались на кафедрах теологии, ереси городские приобретали характер социальных бунтов.

Однако на севере Италии и на юге Франции Церковь столкнулась с совершенно иной ситуацией: речь шла уже не о демонстрации местной или личной независимости, но о настоящей религии, угнездившейся в самом сердце христианского края и претендующей называться единственно истинной. Традиционные методы религиозного убеждения, применяемые Церковью к своим заблудшим чадам, наталкивались на непроходимую стену: еретики вовсе не были христианами-диссидентами, они черпали силы в осознании своей принадлежности к религии, никогда не имевшей отношения к католицизму и более древней, чем сама Церковь.

Изрядную часть еретиков, как в Италии, так и в Окситании, составляли вальденсы и другие секты реформаторского толка, которые Церкви удалось вернуть в свое лоно после долгих политических ухищрений. Мы же поведем речь об очень крупной ереси, в которой слились реформаторские движения наиболее крайних позиций – о ереси катаров.

Религия катаров («чистых») пришла с Востока. Современники считали катаров манихеями и арианами. И в самом деле, еретические секты, возникавшие в Западной Европе с XI века, по большей части считались «манихейскими». Но всего лишь считались. Сами еретики не объявляли себя приверженцами Мани, и вполне возможно, что Церкви манихейского направления в Испании, Северной Африке и в самой Франции давно уже открестились от этой своей ветви, приведшей к анафеме и кострам. Не осталось никаких манихеев, остались одни «христиане».

Современные историки (Фернан Ниэль) пишут, что учение катаров было не ересью, а религией, не имевшей ничего общего с христианством. Точнее было бы сказать, что оно не имело ничего общего с тем христианством, которое сформировалось за 10 веков существования Церкви. Религия катаров – это ересь, возвратившаяся к временам, когда догматы христианства еще не выкристаллизовались, и античный мир, столкнувшись с новой верой, искал пути ассимиляции с этой чуждой, чересчур динамичной и живучей доктриной, чьи явные противоречия смущали привыкшие к ясности античные умы.

¹³ Речь идет о Великом переселении народов (Прим. Издателя).

Гностицизм, синтез античной философии с христианством, не признававший сотворение Богом злого начала и материи, не исчез, хотя отцы Церкви его и проклинали. Дух его всегда был живуч в Церквах Востока, а его влияние на западные традиции гораздо сильнее, чем принято считать. Гностики повлияли на Мани, последователя персидской религии, где Добро и Зло представляли два основных начала. Но и учение Мани повлияло на гностиков, и в результате этого глубинного взаимопроникновения черты дуализма, возникающие в христианском учении, стали называть манихейством.

Наплодив множество сект по всей Европе и Азии, жесточайше разгромленные, манихеи исчезли, и имя Христа затмило имя Мани. В Армении и Малой Азии попытку открыто соединить манихейство и христианство предприняли павликиане, но в 862 году греки вынудили их сдаться, и множество павликиан по приказу императора было депортировано на Балканский полуостров. Там и зародилось учение, которое ляжет потом в основу учения катаров.

С VII века на Балканах, к югу от Дуная, существовало царство болгар, народа, пришедшего из Азии. На этой территории переселенные павликиане отправляли свои обряды до того момента, пока греки и римляне не обратили славянское население Болгарии в христианство. В том виде, в каком оно пришло во Францию, учение катаров появилось в Болгарии в X веке под названием богомилства.

Мы не знаем, действительно ли основателя этой религии звали Богомилом, было ли это его прозвище или же, по славянской традиции, этим именем обозначали некий символический персонаж, а потом оно стало восприниматься как собственное, принадлежащее реальному человеку. Православные авторы той эпохи упоминают также попа Иеремию. Так или иначе, истоки секты были темны, а распространялась она с непостижимой быстротой. Поскольку революционные тенденции богомилства тревожили правящие классы, секта подвергалась гонениям и в Болгарии. Но, несмотря на это, число приверженцев новой религии росло. Кроме того, богомилы рассылали многочисленных эмиссаров по всей территории Средиземноморья. Новая религия захватила Боснию и Сербию, где угнездилась так прочно, что могла поспорить с государственной, и продержалась вплоть до вторжения турок в XV веке.

В XI веке доктрина богомилов распространилась на севере Италии и на юге Франции. У нас нет сведений, что именно позволило ереси катаров так быстро проникнуть сюда из Болгарии и были ли в этих краях пережитки манихейства. Мы знаем лишь, что катарская вера, поборов противников, продвигалась со скоростью лавины, и к XII веку, несмотря на преследования, стала полуофициальной религией, насаждая в стране свои традиции, свою историю и строгую иерархию. Движение вышло из подполья, ставшего бессмысленным. В 1167 году болгарский епископ Никита (или Никетас), именуемый «папой катаров» (что, несомненно, происходит от созвучия слов «поп» и «папа»), приезжает из Константинополя с миссией укрепить молодые лангедокские общины и созывает Собор катарских епископов и священнослужителей в Сен-Феликс де Караман близ Тулузы. Уже сам по себе этот факт говорит о том, что перед лицом римской Церкви Церковь катаров не боялась заявить о своей универсальности и национальном единстве. Это больше не была ни секта, ни оппозиционное официальной Церкви движение — это была настоящая Церковь.

Светские власти, напуганные размахом движения, попытались прибегнуть к акциям устрашения: Раймон V, граф Тулузский, задумывал даже крестовый поход с участием королей Франции и Англии, а папа Александр III отправил в Тулузу представительную делегацию во главе с кардиналом-легатом Пьером Сен-Хризогоном. Убедившись в бесплодности предприятия, легат ограничился показательной экзекуцией: он велел схватить и высечь Пьера Морана, почтенного, богатого, всеми уважаемого престарелого буржуа, известного своей дружбой с катарами. Отбыв трехлетнее покаяние в Святой Земле, Пьер Моран вернулся в Тулузу героем и был торжественно избран капитулом. Демарш легата лишь приумножил популярность новой веры.

Легко объяснить успех учения катаров несостоятельностью римских клерикалов, алчностью буржуа и аристократии, только и ждущих предлога завладеть церковным добром, и страстью ко всему новому и у тех, и у других. Почва, как видим, была благодатной для семян новой религии. Но благодатная почва не объясняет еще сути дела. Причины необычного успеха этой религии следовало бы искать в ней самой.

2. Догма

Мы не собираемся здесь подробно анализировать догмы и рассуждения Церкви катаров, во-первых, потому, что, несмотря на скудость материалов, литература на эту тему очень обширна, а во-вторых, сами материалы мало что могут сказать о том, чем же была в действительности эта исчезнувшая религия. Это так же трудно, как по форме черепа воспроизвести черты живого лица. Здесь больше предположений, чем точных указаний. Мало того, что религия катаров умерла насильственной смертью, она столь методично обесценивалась и дискредитировалась, что даже тому, кто не имеет никаких предубеждений против нее, она может показаться нелепостью, противоречащей здравому смыслу. Это удел всех мертвых религий. В конце концов католическая вера людей средневековья так же чужда нам, как и вера катаров.

Мы можем лишь попытаться, бегло ознакомившись с основными догматами, сделать кое-какие выводы из дошедших до нас фактов и составить себе хотя бы приблизительное представление о том духовном климате, в котором развилась и погибла эта религия.

Сразу же возникает вопрос: несло ли на себе учение катаров отпечаток эзотеризма? На эту мысль наводят некоторые указания, и в том числе само существование замка Монсегюр с его необычной конструкцией. Но даже если эта религия имела свои таинства и секретные обряды, они были столь искусно законспирированы, что сами совершенные ни разу не пророчили о них ни слова. Пример тому – обращенный в христианство и ставший инквизитором совершенный Ренье Саккони. Некоторые моменты катарской доктрины, в частности, их обычай отказа от пищи или их ритуальные праздники, остаются темными для нас, отчасти потому, что инквизиторам не приходило в голову об этом спрашивать на допросах. Из многочисленной и разнообразной литературы катаров только несколько документов по случайности не были уничтожены, и мы не знаем, представляли они собой что-то важное или всего лишь отражали общие положения учения. Более того, у катарской Церкви, как и у любой другой, тоже были свои ереси и свои несогласные и, без сомнения, существовали внутренние секты более эзотерического толка, о которых могла не знать основная масса верующих.

Зато известно доподлинно, что катары были искусными проповедниками и не делали никаких тайн из своего учения. Они много и охотно участвовали в теологических дебатах и конференциях, где их ученые крепко стояли против католических легатов и епископов. Эти публичные дискуссии – например, на коллоквиуме в Ломбере в 1176 году или во время кампании евангелизации, развернутой святым Домиником в 1206-1208 годах, – показывают нам лангедокских катаров страстными ораторами, вовсе не склонными прятаться за некие тайны, якобы недоступные профанам. Напротив, они основывают свою доктрину на соображениях здравого смысла, упрекая католические таинства в суеверии и магии.

Верно, однако, и то, что мы не знаем об этой доктрине ничего, что выходит за рамки ее противопоставления официальной Церкви, то есть знаем лишь ее негативную часть. Существует мнение, что, поскольку учение катаров почти ни в чем не было согласно с Церковью, то на основании этих разногласий можно составить довольно полное представление об их доктрине. Но это не так: как раз более вероятно, что не дошедшая до нас позитивная часть учения и содержала секрет его необычайной популярности.

Таким образом, о религии катаров нам известно: 1) ее «заблуждения», т. е. расхождения с католической Церковью; 2) часть внешних проявлений: ее организация, жизнь и нравы верующих, некоторые обряды и церемонии. И здесь мы оказываемся в положении чуждого христианству человека, которому пытаются описать мессу, не объяснив ни ее духовного, ни эмоционального, ни символического значения. Мы внимаем с чувством почтения, которое рождает в нас глубокий мистический опыт, и ничего не пытаемся объяснить.

«Заблуждения» катаров многочисленны. Они восходят к традиции гностиков, провозглашая абсолютное отделение Духа от материи. Как все последователи манихеев, катары дуалисты и верят в наличие двух равноправных начал: доброго и злого. Если одни катарские теологи верят, что обе эти силы существовали изначально, то другие утверждают, что сила зла – творение вторичное, падший ангел. Как бы ни появилось Зло – из первоначального вневременного хаоса или от злой воли Божьего творения, – все катары признают, что добрый Бог не всемогущ. Зло ведет с ним беспощадную войну и оспаривает у него победу за победой, которые все равно будут уничтожены «скончанием времен». В эпоху, когда в Дьявола верили так же твердо, как в Бога, подобная теория никого не удивляла.

Но вот чего христиане никак не могли признать в учении катаров, так это его основополагающего утверждения: материальный мир никогда не был создан Богом; он есть творение Сатаны. Не входя в детали сложнейшей космогонии, объясняющей падение Сатаны и ангелов зла и сотворение материи, мы можем утверждать, что для катаров воспринимаемый нами в ощущениях материальный мир (включая, как гласят учения большинства сект, солнце и звезды) есть мир дьявольский и проявление Зла.

А человек? И он тоже творение Дьявола, поскольку сделан из плоти и крови. Но Дух Зла был бессилен сотворить жизнь и попросил Бога вдохнуть душу в глиняное тело. И Бог сжалился над незадачливым творцом, однако частичка Божественного Духа не пожелала оставаться в грубо сляпанном подобии Сатаны. Путем длительных ухищрений Демон некоторое время удерживал ее в плену, а потом толкнул наших прародителей Адама и Еву к плотскому единению и тем окончательно заставил Дух увязнуть в материи. Согласно доктрине некоторых школ, при акте воспроизведения поколений, восходящих к Адаму, Дух Божий, подобно пламени, разлетается на множество бесконечно делящихся искр. Самая приемлемая интерпретация этой теории такова: Демон, Люцифер или Люцибел то ли утащил за собой, то ли уговорил с помощью соблазнов уйти с ним на землю множество душ, сотворенных Богом и живущих при нем в блаженстве. Здесь и есть неисчерпаемый источник, дающий начало человеческим душам, обреченным тяжело страдать потому, что они заключены в тела. (В космогонии катаров материальный мир – лишь низший вид реальности, наиболее безвозвратно отошедший от Бога; есть множество иных миров, где возможны различные пути к спасению.)

Демон – не кто иной, как Бог Ветхого Завета, Саваоф или Ялдаваоф, грубый подражатель доброго Бога, творец жалкого мира, где, несмотря на все старания, ему не удалось создать ничего долговечного: души ангелов, по слабости своей нисшедшие в материю, остаются абсолютно чуждыми этому миру, живут в страдании, лишены имен, отделенные от Духа, который они носили в себе до падения.

Здесь существуют разночтения между разными катарскими сектами. Некоторые из них утверждают, что число этих пропащих душ ограничено и они перемещаются из одного тела в другое, следуя бесконечной веренице рождений и смертей; в этом учение сближается с индуистской доктриной об реинкарнации и карме. Другие же, напротив, верят, что каждое новое рождение заставляет спуститься если не с неба, то из сопредельного с небом пространства одну из ангельских душ, соблазненных Демоном, – отсюда хорошо известный ужас катаров перед актом воспроизведения, актом жестоким и насильственным, отнимающим душу у неба и низвергающим ее в материю. Как бы там ни было, катары очень почитали учение о метемпсихозе в том виде, в каком оно изложено у индуистов, с той же математической строгостью посмертного воздаяния: человек, живущий правильно, воплощается в существе, более способном к духовному прогрессу; преступник после смерти рискует возродиться в теле, отягощенном наследственными болезнями и пороками или вовсе оказаться в шкуре животного. Помимо этих скорбных скитаний среди смертей и возрождений, у падших душ нет никакой другой надежды на избавление и обретение своей небесной родины, кроме надежды на сошествие Посланца Доброго Бога в материальный мир.

Добрый Бог – сама чистота и радость, однако, не ведая зла, он знает об отторгнутых от него душах небесных и хочет их вернуть. Но он бессилен им помочь, их разделяет пропасть, и он не может иметь никаких сношений с миром, созданным Князем Зла. Среди окружающих его созданий ищет он Посредника, кто мог бы установить контакт с падшими небесными душами. И призывает Иисуса, который, согласно учению катаров, представляет собой либо совершеннейшего из ангелов, либо второго, после Сатаны, Сына Божьего. Термин «Сын Божий» не предполагает равенства между Отцом и Сыном, Иисус – не более чем эманация, образ Божий.

Иисус сходит в нечистый материальный мир, не отвергая никаких контактов с ним, из сострадания к душам, которым он должен указать обратный путь на небесную родину. Однако чистота не может по-настоящему взаимодействовать с материей, и оттого телесность Иисуса – всего лишь видимость, он не «воплотился», а, скорее, «вотенился». Но чтобы усыпить бдительность Демона, он подчиняется земным законам. Демон распознает Посланца и пытается его убить, а прочие недруги Господа в ослеплении полагают, что Иисус по-настоящему страдает и погибает на кресте. В действительности бесплотное тело Иисуса не может ни страдать, ни умереть, ни воскреснуть. Он невредимым возвращается на небо, указав своим последователям путь к спасению. Его миссия завершена, он оставил на земле Церковь, обладающую Святым Духом, утешителем плененных душ.

Ибо Демон, князь мира земного, немало потрудился, чтобы разрушить созданное Иисусом и помутить человеческий разум. Над истинной Церковью восторжествовала ложная, которая присвоила себе имя «христианская», а на самом деле исповедует противоположную доктрину, доктрину Дьявола. Истинная же христианская Церковь, обладающая Святым Духом, – это Церковь катаров. А римская Церковь есть зверь и блудница вавилонская, и послушные ей не спасутся. Все, что из нее исходит, отмечено печатью рока. Ее таинства – не более чем ловушки Сатаны, они заставляют людей верить, что путь к спасению заключен в плотских обрядах и пустых жестах. Ни вода крещения, ни хлеб причастия не несут в себе Святого Духа, ибо они материальны. Облатка не может быть частицей тела Христова, потому что, как утверждали с грубой иронией катары-проповедники, если собрать все облатки во всех странах за 10 веков, то тело Христово получится с огромную гору. Крест никак не может быть предметом поклонения, скорее, наоборот – он должен вызывать ужас как орудие пытки Иисуса. Ведь балку, которая свалилась и убила ребенка, не водружают на почетное место для поклонения (аргумент наводит на мысль о том, что катары с большим вниманием, чем принято думать, относились к распятию – иначе с чего бы им пугаться креста, если Иисус не испытывал крестных мук?).

Если крест – орудие Дьявола, то все образы и предметы, которые Церковь чтит как священные – суть творения лукавого, насадившего под личиной христианства царство гнуснейшего язычества. Иконы и тем более священные реликвии – не более чем идолы, обломки вонючих костей, деревяшек и лоскутья тряпок, собранных где попало и выдаваемых шустрыми мошенниками за останки благословенных тел и предметов; и тот, кто им поклоняется, чтит творения Демона. В конце концов, все святые были грешниками, служителями Дьявольской Церкви, и все они достойны быть прокляты вместе с праведниками Ветхого Завета, созданиями Бога Зла.

Святая Дева вовсе не мать Иисуса, потому что у Христа не было тела, и если уж он для видимости хотел от кого-нибудь родиться, то Мария тоже должна была быть бестелесной, ангелом, принявшим облик женщины. Возможно, она являлась символом Церкви, принявшей в себя Слово Божье.

Приняв за принцип сотворение мира духом зла, катарская Церковь единым махом приговорила все проявления земной жизни: все, что исходит не из духовного источника, обречено на полную гибель и не заслуживает ни любви, ни уважения. Если наиболее осязаемая форма зла на земле – это Церковь, то на власти светской тоже лежит вина, поскольку ее сила

зиждется на понуждении и часто на убийстве (войны и карательное правосудие). Семья тоже достойна осуждения, ведь она поддерживает земные привязанности; а брак к тому же еще и преступление против Духа, поскольку он обрекает человека на телесное бытие и ведет его к риску стать причиной потери еще одной украденной для земли души. Любое убийство, даже убийство животного, есть преступление: тот, кто убил, отнял у души шанс воссоединиться со Святым Духом и насильственно прервал путь покаяния, ибо, даже пребывая в шкуре животного, душа имеет право на шанс возродиться в лучшем качестве. Поэтому нельзя носить оружие, чтобы не рисковать кого-нибудь убить, даже защищаясь. Нельзя есть животную пищу, ибо она нечиста; яйца и молоко также под запретом, так как они – продукт акта воспроизведения. Нельзя ни лгать, ни присягать, нельзя владеть никаким мирским имуществом.

Но даже соблюдающий все эти условия еще вовсе не спасен: спастись и воссоединиться со Святым Духом может лишь тот, кто войдет в катарскую Церковь и примет возложение рук ее священнослужителя. Только тогда человек возродится к новой жизни и может надеяться после смерти войти в царство Божественной красоты, хотя бы до той поры, пока чей-нибудь очередной грех не стащит его на землю.

Ада как такового не существует, ибо непрерывное возрождение в новом теле уже само по себе ад. Однако слишком длинная цепь реинкарнаций во зле может вовсе отнять возможность спасения. Души, созданные Демоном, тоже не имеют пути к спасению. Их трудно отличить, но можно предположить, что часть тех, чье осуждение предрешено, составляют короли, императоры и церковная католическая верхушка. Остальные души смогут спастись, но их земные скитания продлятся до тех пор, пока они не найдут пути к спасению. В конце концов осязательный мир исчезнет, Солнце и звезды погаснут, огонь осушит воды, а воды погасят огонь. Пламя уничтожит души демонов, и настанет мир вечной радости.

Вот резюме доктрины катаров, из которого видно, что их вероисповедание по стольким позициям расходится с традиционным христианством, что остается только задать себе вопрос: как же получилось, что католическое население так легко отказалось от веры отцов в пользу явной ереси?

Здесь уместны были бы два замечания. Во-первых, неусердие народа во всем, что касалось Церкви – и об этом заявляли сами папы, – часто объяснялось его невежеством в вопросах религии. Во-вторых, и мы на этом настаиваем, противники катарского вероисповедания были заинтересованы в выпячивании его заблуждений и придавали особое значение тем моментам вероучения, которым сами катары такого значения не придавали, так что по очень многим пунктам речь может идти скорее о различиях в интерпретации, чем о ереси как таковой.

Конечно, нельзя отмахиваться от иноверческих сторон катарской религии, но им нужно отвести подобающее место. Если вдуматься в факты, то наиболее шокирующими в глазах католиков были те из них, которые казались логически вытекающими из ортодоксальной доктрины. Именно поэтому их и расценивали как опасные.

И в самом деле: дуализм катаров, который их недруги с наслаждением раздували, есть не что иное, как естественное развитие веры в Дьявола, столь важной в средние века. Скрытое манихейство всегда присутствовало в наставлениях Церкви. Дьявол – конкретная реальность, о его могуществе постоянно твердили католические проповедники, поэтому не мудрено осудить как творения Дьявола любые проявления светской духовности, даже невинные – такие, как музыка или танец. Церковь так далеко зашла в этом вопросе, что трудно представить, что тут могли прибавить катары. Цивилизация средних веков, изначально монашеская, испытывала отвращение и презрение к материальному миру, и если и не называла его творением Дьявола, то вела себя так, словно таковым его считала. Где это видели до Франциска Ассизского хоть одного монаха, воспевающего красу Божьего мира? Когда это монахи прославляли брак, умилялись младенцам или превозносили земные радости? Большинство праздников и обрядов, где любовь к земной жизни занимает значительное место, – пережитки либо языческой, либо

древнееврейской традиции; чисто же христианский подход к любви теоретичен и отличается немощностью.

Разумеется, это не относится ко всей Церкви в целом, а лишь к ее наиболее ревностным и почитаемым служителям, таким, как святой Бернар, ополчившийся не только против фривольностей светской жизни, но и против излишне богатого убранства храмов: соблазняющая глаз красота отвлекает от молитвы. В эпоху, когда потреби ость в воплощении и материализации святынь проявлялась ярче, чем в любую другую, когда города и их окрестности объединялись в усилие построить Святой Деве или местному святому дворец, рядом с которым королевский казался жалкой хижинкой, – в ту же самую эпоху каждый ревностный католик полагал, что мир погряз в продажности и что единственный путь к спасению – это монастырь. Между миром, который создал Дьявол и терпит Бог, и миром, который создал Бог и извратил Дьявол, разница невелика, по крайней мере на практике.

Катары осуждали телесность и брак до такой степени, что отказывались от любой пищи, связанной с воспроизведением рода. Мы увидим, правда, что это осуждение не было абсолютным. Но и католическая Церковь занимала сходную позицию по отношению к браку: брак запрещен католическим священникам так же, как и катарским; правоверные же терпят его только как средство борьбы с похотью. А вот в отношении к женщине католическая Церковь более жестока, чем катарская. Услышав, как святой Петр Дамианский обзывает наложниц клира «приманками Сатаны, рыбьими душами, похотливыми жирными свиньями, грязной вонью притонов», невольно ужаснешься перед женщиной, этой извечной дьявольской западней. Едва прикрытое систематическое осуждение плоти и брака влечет за собой неприятие мира, где все, начиная с травы под ногами, подчинено закону воспроизведения. Когда в полемике с катарами католические священники заявляют, что человек, состоящий в браке, может спастись, это для них лишь индульгенция человеческой слабости. Или, как мы еще увидим, они ничем в этом вопросе не отличаются от катаров.

Если в жизни молодых народов в XI-XII веках начался блистательный взлет искусств и цивилизации, и радость бытия, переполнявшая их, была глубокой и сильной, то никак нельзя сказать, чтобы церковная мысль хоть как-то это отражала. Как и учение катаров, католицизм был религией души, озабоченной только своим спасением. И если у Церкви тоже было материальное, иногда даже чересчур материальное тело, то оно пребывало в вечном противоречии с собственной доктриной. Из католических догм катаров больше всего приводили в негодование учения о Троице и о Воплощении, затрагивавшие больше теологов, чем простых верующих. В своем отрицании единства Троицы катары были настоящими арианами. Однако слова Символа веры: «et ex Patre natem auctem omnia saecula»¹⁴ подразумевают, помимо единосущия, известное первенство Отца. Так же и у катаров: Иисус был Сыном, рожденным прежде всех век, и неизвестно, верно ли соперники катаров истолковывали эту мысль. Несомненно одно: катары всегда проявляли такое благоговейное отношение к фигуре Христа, какого не мог бы превзойти ни один католик; можно сомневаться в чем угодно, но только не в «христианстве» катаров. Что же касается Воплощения, чудесного рождения Христа, сохранения девственности Марии после Его рождения, Воскресения и Вознесения, то все это будто бы специально создано, чтобы внести сумятицу в умы. Сами католики, казалось бы, подспудно признают, что телесность Иисуса так или иначе отличалась от земной телесности.

В действительности же что было абсолютно неприемлемо для католиков в доктрине катаров, так это неприятие ими католической Церкви как таковой. Нужно особо подчеркнуть, что катары несли своей пастве лишь две святыни: Христа и Евангелие. Евангелие было единственной и необходимой книгой, заменявшей и крест, и потир; ее читали на языке простонародья, понятном всем и каждому, ее многократно растолковывали в бесчисленных проповедях и дис-

¹⁴ ...Иже от Отца рожден прежде всех век...

путах. Ведь о толковании Евангелия катарами мы знаем лишь из дошедших до нас записей их полемики. Однако проповедники, обращавшиеся к верующим, не вели с ними споров. Они приближали Христа к своей аудитории, убирая покровы догмы, традиций и суеверий, которыми за века обросло учение. Достаточно прочесть, к примеру, «Золотую легенду», записанные в XII веке более древние предания, чтобы отдать себе отчет, как мало общего было у христианства с народной традицией.

Против этой опасности Церковь была вооружена слабо и пресекала все попытки перевести священные книги. Самый безупречный католик подозревался в ереси, если проявлял желание читать Евангелие на народном наречии; а ведь часто сами священники не знали латыни. Развал официальной Церкви на юге дошел до того, что священники не могли проповедовать — их никто не слушал. Церковь сама уничтожила ключ к пониманию и лишила себя возможности бороться с противником, который шел на все, вооружившись именем Христа.

Катары объявляли себя последователями традиции более древней, более чистой и более близкой к учению апостолов, чем римская Церковь, и требовали считать себя единственными христианами Святого Духа, ниспосланного им через Христа. Казалось бы, в этом они отчасти правы: катарский ритуал, из которого до нас дошли лишь два документа, датированных XIII веком, свидетельствует (и о том же пишет Жан Гиро в своей работе об инквизиции), что эта Церковь, без сомнения, располагала очень древними текстами, восходящими к первоначальной Церкви.

Жан Гиро, сравнивая обряд инициации и крещения катехуменов¹⁵ первоначальной Церкви и обряд инициации у катаров, пришел к выводу, что у обоих обрядов наблюдается стойкий параллелизм, который не может быть случайным. Неофит-катар, как и катехумен-христианин, принимался Церковью после испытательного срока и с одобрения старшего в общине. Вхождение в Церковь катаров, как и крещение в первоначальной Церкви, допускалось лишь по достижении вполне сознательного возраста и нередко бывало испрошено уже на смертном одре. Священнослужитель, принимавший неофита, именовался Старшим (*senhor*), что явно представляет собой перевод понятия *presbyter* (священник). Акт отречения катехуменов от Сатаны аналогичен акту отречения катаров от римской Церкви. Кроме помазания миром, символизирующим Святой Дух, и окунания в крещальную купель (обряд, который катары отвергали за его связь с плотским началом, предпочитая простое наложение рук), принятие катехумена в первоначальную Церковь во всем походит на принятие postulanta в Церковь катаров. Так же похожи обряд исповеди в католической Церкви и отпущения грехов у катаров.

Некоторых инквизиторов, особенно Бернара Ги в XIV веке, очень задевала эта общность, и они кричали об «обезьянничании» с католического крещения. Поскольку мы лучше их осведомлены об обрядах первоначальной Церкви, то должны отметить, что катары всего лишь следовали традиции более древней, чем официальная Церковь, и скорее они могли бы сказать, что римская Церковь впала в ересь, нарушив изначальную чистоту обрядов Апостольской Церкви.

Ритуальный текст, которым мы располагаем сегодня, определенно восходит к очень древней эпохе (хотя две имеющиеся версии, одна на окситанском языке, другая на латыни, датированы XIII веком). Был ли этот текст завезен с Востока и переведен болгарскими? Где и в каких условиях он хранился и каково его истинное происхождение? Он составлен по большей части из цитат из Евангелия и Посланий с бесконечными ссылками на Отца, Сына и Святого Духа и на евангельские эпизоды. Его мог бы одобрить любой правоверный католик; читая его, чувствуешь аромат и мощь первоначального христианства, а вовсе не теологические спекуляции секты, которой приписывают еретическую доктрину. Там нет ничего, что хотя бы отдаленно указывало на манихейский дуализм, отрицание Воплощения и Причастия, на теорию метем-

¹⁵ Катехумен (древнегреч.) — уже оглашённый, т. е. объявленный, но не принятый в лоно древней Церкви новообращенный (Прим. перев.).

психоза; наоборот, там есть утверждения о крещении водой, противоречащие катарской доктрине. Из всего этого можно заключить, что текст намного старше самого учения. Но уже сам факт, что катары (которым не были чужды ни дерзость, ни вкус к теологическим спекуляциям) не пожелали ничего в нем менять, говорит о том, что ритуал прекрасно выражал доктрину, а «заблуждения», в которых их упрекала католическая Церковь, были в учении, по всей вероятности, вторичными и относились к космогонии и к философии жизни, а не к существу веры.

Если же судить о религии по молитвам и обрядам (а пока еще это лучший способ суждения), то немногие уцелевшие катарские тексты могут только заставить нас склониться перед их простотой, ясностью и возвышенностью. Этот ритуал, чудом избежавший уничтожения, перевешивает все, что за века было сказано и написано о катарах их противниками.

3. Организация и экспансия

Религия катаров стремилась к точному соблюдению всех наставлений доктрины. Путь к спасению узок, это, скорее, дорога для избранных. И здесь катарская Церковь снова неожиданно сближается с католической в обычае снисхождения к слабым и в вере в абсолютную силу таинства: катары, как и католики, полагают необходимым на пути спасения священное действие возложения рук служителя культа на верующего, дабы передать ему частицу Святого Духа, которым уже осенен наставник. Речь идет вовсе не о символическом жесте: обряд *consolamentum* (утешения), с точки зрения катаров, обладает сверхъестественной силой, заставляющей Святой Дух снизойти на того, кто принимает благословение. Каков бы ни был сан священника, возложение рук призывает Святой Дух, и именно здесь таятся ключ и сердцевина жизни катарской Церкви.

Независимо от того, признают или нет катары апостольский принцип наследования, они утверждают, что Святой Дух может быть передан только безгрешными руками. Но безгрешная чистота – непреложное требование к служителю культа, и случаи признания *consolamentum* ложным из-за недостойности наставника крайне редки. Человек, принявший в себя снизошедший Святой Дух, становится «христианином» и умирает в этом мире, чтобы возродиться в царстве Духа. Он должен без рассуждений и компромиссов подчиниться всем требованиям новой религии, а требования эти жестче, чем к монаху, принявшему постриг. Лишь очень немногие способны до конца пройти такой путь спасения. Но катарская Церковь в равной мере признает и *consolamentum* предсмертный, и нам известно множество случаев, когда неопиты прибегали к этому обряду, скорее, в предчувствии приближающейся смерти, нежели в качестве гарантии чистоты веры. Тогда таинство совершается над человеком, который не является ни избранным, ни безгрешным, и в этом пункте Церковь катаров заслуживает тех же упреков в механистичности обрядов, что и католическая. Однако при сходстве ситуаций катары придают таинству особую торжественность, подчеркивая, что столь бесценный дар, который другие заслуживают, посвящая Богу свои жизни, простой человек может получить, лишь когда страдания уже отрешили его от мира.

По принятии Святого Духа верующий становится новым человеком: с этого момента даже легкое прегрешение расценивается как святотатство, и он рискует потерять Святой Дух, которого был удостоен. Известны случаи, когда совершенные принимали *consolamentum* несколько раз в своей жизни, и происходило это либо из-за провинности, либо по причине ослабления веры; так что, по всей вероятности, таинство это вовсе не было таким безжалостным, каким его обычно представляют.

Consolamentum, соответствующий сразу нескольким таинствам: крещению, причастию, конфирмации, рукоположению в духовный сан и соборованию, представлял собой очень простой обряд. Ему предшествовал долгий период инициации, когда postulante должен был в течение года, а иногда и дольше, жить в «доме совершенных», где испытывалась истинность его призвания. Это было время новициата, и иногда случалось, что под конец испытания, если наставники не были уверены в твердости postulante, ему отказывали в таинстве. Если же он признавался достойным, его представляли общине для утверждения. После этого он готовился ко дню посвящения – в посте, бодрствовании и непрерывных молитвах.

В назначенный день postulante вводили в зал, где уже собрались все верующие, – у катаров не было храмов, они отправляли свои обряды в частных домах; в городах они жили коммунально, причем каждый совершенный обязан был отдать все свое имущество в пользу Церкви. В этих домах, специально посвященных культу, находились и лечебницы для больных. В больших городах бывало обычно по несколько таких домов.

Помещение, где катары собирались для молитв, не носило никаких признаков культовой принадлежности. Выбеленные известью стены, очень простая мебель: несколько скамеек и стол, накрытый ослепительно белой скатертью, на которой лежит Книга (Евангелие) и такие же ослепительно белые полотенца. Стол служит алтарем. На другом столе или сундуке стоят кувшин с водой и таз для мытья рук. Единственное украшение этого строгого зала составляет несметное множество зажженных белых свечей, символизирующих небесный огонь Святого Духа, снизошедший на апостолов в Пятидесятницу. В присутствии собрания верующих постуланта подводят к столу, перед которым уже стоят священнослужители, диаконы¹⁶ или просто совершенные. Они облачены в длинные черные одежды, символы отречения от мира. Совершенный и два его помощника долго моют руки, прежде чем прикоснутся к священному тексту, и церемония начинается.

Совершающий церемонию разъясняет постуланту догмы религии, в которую его принимают, и те обязательства, которые на него налагаются. Затем он читает «Отче наш...», комментируя каждую фразу и заставляя постуланта ее повторять. Затем будущий совершенный должен торжественно отречься от католической религии, в которой он воспитан, и, трижды преклонив колена, испросить право быть принятым в истинную Церковь. Он должен посвятить себя Богу и Евангелию. Он обещает никогда не есть ни мяса, ни яиц, ни другой животной пищи, навсегда отказаться от занятия торговлей, не лгать, не произносить клятв и не отрекаться от веры даже под страхом смерти от огня, воды или любой другой смерти. Затем он должен публично покаяться в грехах и попросить прощения у общины. После отпущения грехов он снова торжественно перечисляет все принятые обязательства. Только теперь он готов воспринять Святой Дух.

Таинство совершается в тот момент, когда служитель культа кладет священный текст на голову постуланта, а его помощники возлагают на него руки, моля Бога воспринять его и ниспослать ему частицу Святого Духа. В этот миг человек обновляется, он «рожден Святым Духом». Присутствующие вслух читают «Отче наш...», служитель культа произносит первые семнадцать стихов Евангелия от Иоанна: «В начале было слово...», а затем снова «Отче наш...».

Неофит принимает «поцелуй мира» от того, кто отправлял службу, потом от его помощников. Затем он целует того из присутствующих, кто находится ближе к нему, и «поцелуй мира», братское приветствие, как огонь эстафеты, передается от верующего к верующему, пока не достигнет последних рядов. Если постулант – женщина, то «поцелуй мира» передается в более символической форме: восприемник прикасается Евангелием к ее плечу и локтем к ее локтю. Новый «утешенный»¹⁷ всегда будет носить черную одежду, он – «удостоенный», и знаки своего нового достоинства он уже не может снять. Позже, когда преследования заставят совершенных быть осторожными, знаком удостоения станет шнурок, который мужчины будут носить на шее, а женщины на поясе под одеждой. Уже сама торжественность, с которой катары обставляли «удостоение», говорит о его высокой священнической сути. Удостоенный (чаще всего катары упоминались именно под этим названием) входил в религию в полном смысле этого слова, принятом также и в католичестве. Он оставлял все свое имущество общине и начинал, подобно апостолам, странническую жизнь, посвященную молитве, проповедям и милосердию. Местный епископ или диакон назначает удостоенному товарища, выбирая его среди остальных совершенных. Теперь «*socius*» или «*sosia*»¹⁸ (если речь шла о женщине) будет

¹⁶ Диакон – низший чин церковной иерархии, появившийся, по апостольскому преданию, для исполнения общественного служения («Деяния апостолов», гл. 6, назначение «семерых пещись о столах»). Во время богослужения диаконы исполняют вспомогательные функции, самостоятельно же службу вести не могут... Описание функций диаконов у катаров говорит о том, что в их традиции акцент ставился не на сам обряд, а на общественное служение, и потому, видимо, диакон играет большее значение, чем это принято в христианской Церкви.

¹⁷ Console (фр.) – утешенный (Прим. перев.).

¹⁸ Socius (древнегреч.) – двойник (Прим. перев.).

сопровождать неофита в его странствиях, делить с ним все труды и лишения и никогда с ним не расстанется.

Можно сказать с полной определенностью, что катарская Церковь как таковая состояла целиком из одних священников, поскольку каждый из совершенных мог отправлять любой обряд. Неофит, получивший опасную привилегию пополнить ряды совершенных, становится «христианином на особом положении»; где бы он ни появился, рядовые верующие обязаны ему «поклоняться», по традиции, трижды преклоняя колена и кланяясь со словами: «Просите Господа, чтобы Он сделал меня добрым христианином и указал мне путь к праведному концу». Совершенный попросит Господа, но не ответит: «Молись и ты за меня, грешного». Формальное равенство верующих, от папы до последнего преступника, признаваемое ортодоксальными христианами, не существует в этой религии реалистов. Согласно их доктрине, совершенные составляют высший эшелон человечества, Святой Дух, присутствующий в них с момента таинства, не может жить в простых смертных. (Слово «*parfait*» – совершенный, очевидно, здесь следует понимать как производное от «*paracheve*» – заверченный, укомплектованный, то есть человек, имеющий тело, душу и Дух. Совершенные после таинства *consolamentum* обрели свой Дух, свою божественную частицу, которой их лишил первородный грех.) Мы столкнулись с парадоксом: мощная Церковь, непрестанно овладевающая новыми территориями, привлекающая на свою сторону знать, буржуа и мастеровых, в рядах активных членов насчитывает несколько сотен, по большей мере несколько тысяч человек.

Мы еще вернемся к вопросу о простых верующих и об их роли в этой Церкви, которая, казалось бы, уделяет им так мало внимания. Несомненно, что-то здесь от нас ускользнуло, поскольку, несмотря на кардинальные отличия совершенных от простых верующих, мы видим, что паства ведет себя точно так, как и должно добрым христианам, а поведение совершенных ничем не отличается от поведения добросовестных священников, пекущихся о своей пастве. В Лангедоке в каждой провинции был свой катарский епископ, в каждом мало-мальски значительном городе или местечке – свой диакон. Ни епископов, ни диаконов не утверждают ради горстки верующих. Епископы считались духовными пастырями больших общин и проявляли гораздо больше заботы о своих новообращенных согражданах, чем католические епископы о своих правоверных. Причина проста: Церковь, борющаяся за существование, гораздо внимательнее к своим почитателям, чем официальная. Верующие были далеки от того, чтобы объединяться без помощи пастырей, и не должны были чувствовать себя вне духовной опеки.

Это не умаляет справедливости суждения, что ядро, живую сердцевину катарской Церкви составляли совершенные. Мы знаем, какими они были: духовники в полном смысле этого слова, избранные и проверенные с таким тщанием, что даже в процветающей Церкви составляли ничтожное меньшинство. Они вызывали восхищение даже у своих заклятых врагов. За годы войны на юге Франции их осталось всего несколько сот, остальные погибли на кострах (жгли в основном совершенных) или во время резни; некоторым удалось спастись, укрывшись в горах или уйдя в Италию. Однако за весь период крестового похода и последующие годы известны только три случая отречения совершенных: один из отречшихся – неофит, еще не принявший *consolamentum*; другой, Понс Роже, был разгагитирован самим Домиником, и мы можем заключить, что он принадлежал к совершенным лишь по тяжести покаяния, наложенного на него святым. Третий, Гульельм де Солье, отрекся в 1229 году, чтобы избежать костра, и купил себе жизнь ценой доноса на своих братьев. Если вдуматься, что такое смерть на костре, то просто оторопь берет при мысли о том, что из сотен сожженных нашелся всего лишь один предатель.

Однако не только за мужество, ярко заявившее о себе в годы войны, совершенные пользовались таким уважением. Противники единодушно признавали их высокую душевную чистоту. По сути дела, папа и святой Доминик оказали им величайшую честь, решив «бороться с ере-

тиками их же оружием», после чего Доминик, следуя их примеру, отправился проповедовать босиком и в рубище, существуя на милостыню.

Совершенные брали не только непреклонным аскетизмом и презрением к мирским благам: народ не случайно называл их «добрыми людьми». Нынче это выражение утратило первоначальный смысл¹⁹, а они были в прямом смысле слова добрыми. Уже одно это название отмечает мнение об учении катаров как о религии печальной и равнодушной к мирским благам, которые она презирает. Худые, бледнолицые и длинноволосые люди, одетые в черное, поражали воображение сограждан не столько своим аскетизмом, сколько необыкновенной добротой. Неуживчивый аскетизм вряд ли привлек бы кого-нибудь. А эти люди, будь то мужчины или женщины, путешествующие попарно, куда бы ни зашли – в деревню, в замок или пригород, – везде пользовались безграничным уважением. Подобные умонастроения окситанцев не обошли стороной и графа Тулузского. Однажды, указав на бедно одетого, израненного совершенного, он сказал: «Я предпочел бы быть этим человеком, нежели королем или императором»²⁰.

Моральный авторитет совершенных был так высок, что Церковь лишь робко отваживалась поднять голос и попытаться обвинить их в лицемерии. Прежде всего придирались к тому, что они якобы афишировали свой аскетизм. И вправду, «добрые люди» были упорными постниками: они не прикасались к «нечистой» пище, трижды в год голодали, сидя на хлебе и воде, и скорей умерли бы, чем съели хоть крошечку чего-нибудь неподобающего их вере. Практика воздержания от пищи, распространенная во всех религиях (в восточных сильнее, чем в западных), играла в жизни совершенных особую роль: во всех случаях – и в глазах народа, и в глазах Церкви – они были людьми, которые постоянно голодают. Отец Козма²¹ пишет, что богомилы тоже выглядели бледными и изможденными: лишения накладывали свой отпечаток на внешность.

Подобно йогам или факирам, совершенные, по всей вероятности, даже увлекались голодовками, и порой казалось, что они хотят себя уморить. Видимо, этим объясняется легенда об эндуре (добровольной смерти от голода), хотя достоверно известен лишь один подобный случай в XIV веке, когда агонизирующая религия катаров во многом уже утратила свой первоначальный смысл. На самом же деле совершенные испытывали ужас перед убийством любого живого существа и скорее умерли бы сами, чем зарезали даже цыпленка (по этой причине повесили еретиков в 1052 году в Гозларе, в Германии) – так что ни под каким видом они не пошли бы на самоубийство. Эти хулители земной жизни относились к ней вместе с тем с абсолютным почитанием и никогда не допустили бы человеческую волю, изначально склонную к дурному, до насильственного вмешательства в движение души по пути спасения. Совершенные не искали мучений, и их мужество перед лицом смерти порождалось скорее пламенностью веры, нежели равнодушием к жизни.

Совершенных сразу можно было узнать по мягкой, раздумчивой речи, привычке постоянно молиться и рассуждать о Боге. Вышеупомянутый Козма усматривает в этом лукавство и признак гордыни: они никогда не повышают голоса, не говорят резко и вообще открывают рот только для благочестивых слов и молятся прилюдно, лицемерно поминая имя Господа всуе. Это волки в овечьих шкурах. Своей показной набожностью они увлекают простаков.

Возможно, молитвенная практика совершенных подчинялась каким-то особым канонам, близким к восточной традиции. Часто приводимый пример совершенного, явившегося к Бербегуэре, супруге владетеля Пюилорана, и сидевшего на стуле «неподвижно, как ствол дерева», безучастно ко всем вокруг, заставляет думать об индуистских святых в состоянии экстаза.

¹⁹ Bonhomme (фр.) – миляга, компанейский малый. Первоначальное значение – добрый человек (Прим. перев.).

²⁰ Петр Сергиевский. Гл. IV.

²¹ Болгарский священник X века, автор «Трактата против богомилов» (издан о. Жозефом Гафором, «Theologia antibogomilistica Cosmae presbyteri». Roma, 1942).

Однако ясно, что, сидя сиднем на стуле, не завоеешь людские сердца. Совершенных любили прежде всего за их милосердие.

Сами бедняки, они распределяли пожертвования верующих для поддержания бедных; когда же дать было нечего, они всегда находили слова утешения и предлагали свою дружбу, не гнушаясь обществом самых обездоленных. Часто они были прекрасными врачами, что парадоксально для людей, столь презирающих тело. Искусная пропаганда? Пусть так, но невозможно стать хорошим врачом, не уделяя хоть сколько-нибудь любви и внимания телу: милосердие нацелено на тело в той же мере, что и на душу. Процессы инквизиции приводят свидетельство некоего шевалье Гульельма Дюмьера: врач – совершенный, самоотверженно ухаживавший за ним, покинул его после того, как он отказался отречься от католичества. Случай необычный: медики, поступавшие таким образом, рисковали остаться не только без клиентуры, но и без потенциальных неофитов.

О том же самом гласит свидетельство жены некоего Гильома Вигуэра, которая, хотя муж и пытался обратить ее в катарскую веру «при помощи палки» (малоэффективное средство убеждения), отказалась, потому что «добрые люди» ей сказали, что ребенок, находящийся в ее утробе, не кто иной, как демон. Должно быть, супруги не отличались интеллектом, а совершенный – тактом, но этот пример лишь подтверждает правило: проповедники, говорящие такие вещи пастве, вряд ли смогут снискать репутацию добрых людей.

Известно, что милосердие совершенных отнюдь не распространялось только на адептов их секты, и именно это притягивало к ним несчастных. Можно сбить с толку богачей и хитрецов, но простой народ не проведешь: не помогут ни угрозы, ни увещевания, люди ответят любовью только на сердечную доброту и сострадание.

Все свидетельства сходятся на том, что совершенные завоевывали сердца верующих главным образом личным примером, и самым ярким свидетельством привлекательности их духовной жизни для нас остается небывалый успех их апостольской миссии.

Второстепенные причины, которые благоприятствовали распространению учения катаров, столь многочисленны и очевидны, что одно их перечисление заставляет думать, что новая религия и без таких почитаемых апостолов смогла бы отвратить южные народы от римской Церкви. Наиболее показательная (и наиболее возмутительная для христианского мира) черта этой религии – абсолютное неприятие церковных догм и самых священных символов – взбудоражила и ужаснула жителей тех областей, где Церковь была сильна, а ересь встречалась редко. На юге же Франции прогресс ереси шел бок о бок с упадком Церкви, и трудно сказать, какой из двух феноменов был определяющим; то, что рассказывали о южной церковной верхушке времен крестового похода, могло заставить усомниться в святости Церкви даже самых ревностных католиков.

Вот что сообщает нам Иннокентий III о лангедокских клерикалах и в частности о Беренгере II, архиепископе Нарбоннском: «Слепцы, разучившиеся лаять собаки, симониты, торгующие справедливостью; богатым они отпускают грехи, а бедных клеймят. Они не блюдают законы Церкви: занимаются накопительством, поручают богослужения неграмотным и недостойным священникам. Вот где причина распространения ереси, вот откуда пренебрежение сеньоров и черни к Господу и его Церкви. Священники в этих местах – притча во языцех. А корень зла – это архиепископ Нарбоннский: он не ведает иного Бога, кроме денег, у него кошелек вместо сердца. За десять лет службы он ни разу не был в своей провинции и не посещает собственный диоцез. За посвящение епископа Магелонского он запросил пятьсот золотых су, а когда к нему обратились за субсидией в пользу христиан Востока, он отказал. Когда освобождается должность священнослужителя, он не торопится с объявлением имени преемника: ждет барыша. Он вдвое сократил количество каноников Нарбонны, чтобы присвоить пребенды, и точно так же подмял под себя вакантные диаконии. В его диоцезе монахи и каноники занимаются ростовщичеством, промышляют адвокатством, жонглерством и врачеванием». Документ

так красноречив, что к нему трудно что-либо прибавить, однако папу волнует еще и то, что баилем при архиепископе состоит главарь арагонских рутьеров, а попросту говоря – бандит с большой дороги. Папа напрасно метал на голову Беренгера грома и молнии: непробиваемый старик, больше озабоченный защитой своего добра, чем интересами диоцеза, держался до 1210 года и сдался только тогда, когда крестовый поход начал оружием пробиваться к успеху.

Епископ Тулузы, Раймон Рабастан, выходец из среды еретиков, непрерывно враждовал со своими вассалами и, чтобы пополнить казну, сдавал в аренду земли епископального домена. Когда наконец в 1206 году он был низложен за симонию, его преемник, Фульк Марсельский, аббат Тороне, нашел в кассе епископства всего 45 тулузских су. Не было даже эскорта для сопровождения епископской упряжки мулов к водопою (епископ не рисковал подвести мулов к городской поилке скота без охраны). Кредиторы гонялись за ним по пятам до самого капитула. Епископство Тулузское, пишет Гильом Пюилоранский, погибало.

Законы Лангедока той эпохи предписывали аббатам и епископам выбривать тонзуры и носить подобающее их положению платье; им было запрещено надевать украшения, играть в азартные игры, произносить клятвы, сажать за свой стол гистрионов и музыкантов, валяться по утрам в постели, допускать фривольности во время службы и отлучать направо и налево. Они были обязаны сноситься со своим синодом минимум раз в год, не брать денег за рукоположения в духовные чины, не совершать за деньги недозволенных браков и не аннулировать законных завещаний.

Если уж прелаты дошли до таких нарушений, то что говорить о людях светских? Известно, что ни один уважаемый горожанин больше не желал, чтобы его дети шли в священники. По свидетельству Гильома Пюилоранского, «церковные службы внушали мирянам такое отвращение, что теперь вместо того, чтобы сказать: «Уж лучше стать евреем, чем сделать то-то и то-то», стали говорить: «Уж лучше стать капелланом...».

Прелаты, появляясь на публике, прятали тонзуры, зачесывая волосы с затылка на лоб. Дворяне редко готовили детей к церковной службе, да и в церкви являлись только дети их вассалов, чтобы внести церковную десятину. Епископы брили тонзуры кому попало²². Низший клир, набранный наугад, третируемый епископами, презираемый населением, влачил столь жалкое существование, что, по свидетельству Иннокентия III, приведенному выше, священники повально дезертировали и стремились найти ремесло повыгоднее.

Такое плачевное положение вещей вызывало протест не только у папы, но и у иноземных епископов, особенно цистерцианцев, в частности Джона Солсбери. Жоффруа де Витеза не стесняется в выражениях в адрес клерикалов. Он говорит, что они носят светское платье, едят скромную пищу и ругаются: «Мне известен, монастырь, где правят четыре аббата».

Отношение мирян к клиру еще суровее. Трубадуры слагают гневные и ехидные стихи против роскоши, разврата и продажности прелатов. Там говорится, что их конюшни богаче графских покоев, что они едят дорогую рыбу и соусы с заморскими пряностями, а любовникам дарят драгоценные украшения. Все они лицемеры, их занимают пустяки вроде женских побрякушек и вовсе не заботят ни милосердие, ни справедливость. Богатого они любят, бедного притесняют. Самые резкие нападки на нравы Церкви становились общими местами сатирической литературы, да и в среде самих клерикалов были делом обычным.

Много религиозных зданий было брошено по вине отбившихся от рук священников, в некоторых церквях народ собирался, чтобы попеть и поплясать. Такое развитие событий шло бок о бок с укреплением катарской Церкви, и часто священники, бросившие храмы, шли слушать проповеди «добрых людей».

Надо принять во внимание, что, вслед за пренебрежением к клиру, народ охватывало пренебрежение к религии вообще. Что же до высших классов, то если они и не были в числе

²² Гильом Пюилоранский. Пролог.

еретиков, то их терпимость в эпоху всеобщей веры не могла не вызвать скандала. И если так было в обществе искренних католиков – а это более чем достоверно, – то их католичество было иным, чем католичество папы, легатов или верующих и других краях. Знать более всех насчитывала скептиков и равнодушных к религии, которые открыто заявляли, что ни папа, ни вся Римская империя не стоят поцелуя их дамы сердца.

Конечно, не следует слишком уж буквально понимать пассажи папы, монахов и сатирических поэтов: Церковь, которая могла еще позволить себе подобные выражения и могла переносить все нападки, никак на них не реагируя, – это была все же сильная Церковь. И вовсе не все диоцезы Лангедока были разорены епископами вроде Беренгера Нарбоннского, и вовсе не все церкви были заброшены, а таких католических хронистов, как Гильом Пюилоранский, можно заподозрить в сознательном сгущении красок, дабы доказать, сколь необходим был крестовый поход. Победа определенного режима часто обусловлена слабыми сторонами предыдущего, но в данном случае слабость веры ни при чем. В эпоху крестовых походов на юге Франции было не так уж много приходов, брошенных лихими прелатами, и совсем не все прихожане крупных соборов Альби и Тулузы относились к Церкви с презрением. Однако верно и то, что отпадение многих католиков от Церкви, столь себя дискредитировавшей, не было чрезмерным грехом.

Факты, приведенные выше, ясно показывают, что население, подпавшее под влияние катарских миссионеров, не получило достаточных религиозных наставлений, чтобы отразить аргументы этих блестящих пропагандистов. Среди новообращенных есть буржуа, городская знать, родовитые дворяне, прелаты, монахи, ремесленники, даже аббаты, епископы, теологи, а также церковные ученые²³. Никаких выгод от обращения к ереси они не имели, но религиозные обращения редко были связаны с конкретной выгодой. Ересь побеждала не столько благодаря религиозному невежеству населения, сколько благодаря силе своей доктрины. Судя по всему, ересь воспринималась искренними католиками как более чистое выражение их ортодоксии.

Что бы там ни говорили об аристократическом и антигуманном характере этой религии избранных, ее священники были бесконечно ближе к своим верующим, чем католические пастыри. Такие же бедняки, как и простой люд, они разделяли все его заботы; не гнушались усесться за ткацкий станок или помочь вязать снопы; примером собственной жизни, более суровой, чем у самого последнего бедняка, они возрождали надежду у впавших в отчаяние. Та сила, которую они являли собой, не нуждалась ни в помпе, ни в пышных церемониях. Они были тем, чем сами себя называли: Церковью любви, и никогда не добивались своего силой. И их Церковь становилась сильнее, потому что у всех новообращенных возникало чувство причастности к сообществу, внутренне более богатому, более спаянному и живому, чем католическая Церковь.

Мы мало знаем о «верующих», нам неизвестно даже их приблизительное количество. Мы знаем, что население некоторых пригородов и замков целиком составляли еретики, что в некоторых местностях, например, в долине Арьежа, их было большинство, а в других местах – наоборот. И прозвище «ткачи» относилось явно к еретикам, но при всем этом масса верующих кажется нам сегодня чем-то зыбким и гораздо менее организованным, чем это было на самом деле. Ни в одном официальном документе нет и намека на эту организацию: дальнейшее развитие событий покажет, что у этих людей не было ни малейших оснований публично заявлять о себе.

Такая организация существовала. Каждая провинция имела своего епископа, которому помогали «старший сын» и «младший сын». Перед смертью епископ передавал свои полномочия «старшему сыну», «младший сын» занимал место старшего, а новый «младший» избирался собранием совершенных. В каждом крупном населенном пункте был свой диакон, дей-

²³ Одним из наиболее уважаемых катарских проповедников в Лангедоке считался Гильом, бывший ранее старшим в капитуле Невера (был известен под именем Теодориха).

ствовавший совместно с большим или меньшим числом совершенных. Известно, что было их всегда немного. Вся административная и финансовая часть церковной организации лежала на плечах верующих, живущих в миру: те, кто побогаче, обеспечивали содержание общинных домов; кто победнее, служили гонцами, связными или проводниками. Где бы ни остановились с проповедью совершенные, они находили пристанище в доме кого-либо из верующих, известного своей честностью или ревностной верой. Когда в протоколах допросов инквизиции мы читаем, что в доме такого-то или такой-то принимали совершенных, можно полагать, что верующего почитали достойным этой чести не случайно и что он принадлежал к своего рода аристократии среди верных адептов религии.

В общинных домах всегда жили несколько человек, изъявивших желание воспринять Дух Святой и посвятивших свою жизнь изучению заветов Церкви и молитвам. Это была либо молодежь, с детства доверенная родителями совершенным на воспитание, либо обращенные уже в сознательном возрасте; хотя они еще и не были «удостоены», но уже не принадлежали к простым верующим. Существовала также категория верующих, живущих в миру, но соблюдающих часть обетов, наложенных на совершенных: чистоту, посты и молитвы. И были также те – и таких было большинство, – кто жил, как все обыкновенные люди, и удовлетворялся присутствием на службах и почитанием совершенных.

Теоретически у них не было никаких обязательств, кроме *melioramentum*²⁴, т. е. почитания совершенного, процедуры очень простой и состоявшей в троекратном преклонении колен перед совершенными в просьбе: «Молите Бога, чтобы он сделал меня добрым христианином и помог умереть достойно». Совершенный благословлял верующего и говорил: «Да сделает тебя Господь добрым христианином и да поможет он тебе умереть достойно». Не имея более никаких религиозных обязательств, верующий мог даже (хотя и осторожно) посещать католическую Церковь. Однако катары редко ходили в церковь, разве что в те дни, когда того требовали обряды, или вследствие утрашения. Они в Церкви не нуждались.

Искренне верующие, если они не принимали участия в таинстве, регулярно (раз в месяц) совершали *aparelhamentum*²⁵: они должны были прилюдно покаяться в грехах и попросить прощения у Бога. Это не было настоящей публичной исповедью, это было раскаяние, которое выслушивали великодушно, давали высказаться до конца, а потом мягко журили, особенно за леность и противление воле Божией. Совершенный, принимавший покаяние, назначал наказание, как правило – пост и молитву. Катары молились много, но молитвы их состояли в основном из многократного повторения «Отче наш...» на окситанском наречии с заменой выражения «хлеб наш насущный» на «присносущный» и из размышлений над комментарием к тексту «Отче наш...». Существовали и катарские молитвы²⁶, но «Отче наш...» – это была основа всего, центр культа как для совершенных, так и для простых верующих.

Несмотря на то, что верующие катары не принимали участия в таинствах, их религиозная жизнь, как мы видим, была даже более интенсивной и содержательной, чем религиозная жизнь католиков – по той причине, что катарская Церковь, если и не подвергалась преследованиям, то все же была на нелегальном положении. Верно, что в некоторых местностях она перестала быть нелегальной, и во времена крестового похода многие переходили в катарскую веру, чтобы быть как все или даже по соображениям выгоды. Но новая Церковь продолжала сохранять характер Церкви в изгнании. Каждый, становившийся еретиком по убеждению, мог укрепить свою веру еще живыми воспоминаниями о кострах. В конце XII века катарская община владела значительными средствами: не только совершенные, люди по большей части состоятельные, оставляли ей все, чем владели, но и простые верующие на смертном одре отписывали

²⁴ Улучшение себя (Прим. перев.).

²⁵ Представление (Прим. перев.).

²⁶ См. приложение III.

свое имущество новой Церкви. Многие богатые верующие щедро жертвовали ей деньги, земли, дома или замки. Несмотря на обет бедности, который они свято блюли и никогда не нарушали, совершенные принимали все эти пожертвования и распоряжались ими в интересах Церкви. Их обвиняли в алчности и скупости (обвиняли в основном враги, друзья – никогда). А ведь помимо постоянной помощи бедным общины содержали свои «дома», бывшие одновременно и школами, и монастырями, и больницами. Кроме того, они создавали трудовые коммуны, в частности, большие ткацкие мастерские, где молодежь воспитывалась и проходила новициат. Многие знатные дамы отдавали свои дома и имущество общине и основывали настоящие обители для бедных девочек и для дочерей знати, желающей посвятить Богу свое дитя. В горах Арьежа формировались объединения отшельниц, где вдовы, юные девушки, давшие обет целомудрия, и замужние женщины, покинувшие мужей и семьи ради служения Господу, жили в пещерах или хижинах, предаваясь молитвам и размышлениям. Эти отшельницы пользовались в народе большим уважением и снискали себе репутацию святых.

Важность той роли, которую играли женщины в катарских общинах, отмечалась неоднократно. В этом нет ничего удивительного. Напротив, известно, что при возникновении любой новой религии талантливые проповедники неизбежно возбуждают волну коллективного энтузиазма, – а мы бы добавили еще: энтузиазма истерического, – которому женщины подвержены гораздо больше мужчин. И не только ревностный проповедник новой веры, а и любой мало-мальски заметный проповедник всегда соберет вокруг себя экзальтированных дам, готовых воспринять любое его высказывание как изречение Евангелия. Не забудем, что в том же Лангедоке за святым Домиником пошло поначалу больше женщин, чем мужчин. То же самое и с катарскими проповедниками: женщины обычно острее воспринимают новое учение и опережают своих более спокойных и благоразумных мужей.

Кроме того, на юге Франции женщина вообще пользовалась большей моральной независимостью, чем на севере. И если почитание дамы стало общим местом в литературе, то дама реальная за долгий период времени сумела заставить себя уважать. Это именно из Окситании распространилась по всей Европе традиция куртуазной любви, и если южные сеньоры подчас вели себя не по-рыцарски, на словах они были рыцарями всегда. На ум приходит знаменитая фраза Этьена де Миниа (сопровождавшего святого Доминика), брошенная им Эсклармонде, сестре графа Фуа: «Ступайте за прялку, мадам, вам не подобает рассуждать о подобных вещах». Можно без преувеличения представить, какое презрение вызвала эта реплика у пожилой гранд-дамы, владелицы обширных земель, вдовы, матери шестерых детей, так хамски поставленной на место. Надо было поистине быть чужаком, чтобы позволить себе такую вольность. Лангедокские дамы (в отличие от французских) вовсе не ощущали себя привязанными к прялке; они зачастую были образованнее своих супругов. Но это в светском обществе; общество же религиозное считало их низшими по определению.

Религия катаров, отрицая сущность полов, как и все реалии плотской жизни, провозглашала равенство мужчин и женщин. Правда, и католицизм этого равенства не отрицал, но на практике всегда оставался религией решительно антифеминистской. У катаров женщины, принявшие Святой Дух, могли, как и мужчины, передать его наложением рук, хотя практиковали это лишь в экстремальных случаях и гораздо реже, чем мужчины. О епископах или диаконессах – женщинах сведений нет. Активная роль апостолата оставалась за мужчинами, более приспособленным к тяготам и опасностям страннической жизни. К женщинам-совершенным относились с не меньшим пиететом, и часто они становились настоящими матерями для своих общин. Женщин-совершенных было меньше, чем мужчин, но не намного. Повествуя об «удостоенных» еретиках, схваченных крестоносцами, историки той эпохи не называют точных цифр, хотя у нас не создалось впечатления, что среди арестованных мужчины преобладали. Эти «добрые христианки» осуществляли свой апостолат среди женского населения. Они много занимались воспитанием девочек, уходом за больными и врачеванием, поскольку в

ту эпоху женщины предпочитали лечиться у медиков одного с ними пола. Наконец, чаще, чем мужчины, они посвящали себя жизни созерцательной.

Женщины же из простых верующих были, напротив, более многочисленны и, как правило, более отважны, чем мужчины. Все они, от знатных дам, смолodu окруженных воздыхателями и поэтами, а во вдовстве обратившихся к молитве и делу милосердия, до простолюдинок, прислуживающих за столом или пересекающих страну из конца в конец в качестве гонцов, были заметнее, чем мужчины. Причина тому очень проста: мужчин, даже глубоко верующих, связывало множество обязательств – профессиональных, социальных или военных, которых они не могли нарушить. В обществе, где большая часть человеческих взаимоотношений обуславливалась клятвой, мужчины не смели открыто исповедовать религию, которая клятвы запрещала. А женщины, более свободные в этом смысле, могли посвятить себя религиозной деятельности без страха нарушить иные обязательства.

Кроме того, накануне крестового похода простая осторожность заставляла мужчин не особенно афишировать свои убеждения. Даже если граф и большинство феодалов поддерживали еретиков, так не могло долго продолжаться – ведь римская Церковь была могущественна и держала часть административной власти в стране. Вот почему еретиков часто принимали в домах женщин (таких, как Бланш де Лорак, Гульельмина де Тоннейн, Фабрисса де Мазероль, Ферранда, Серрана, На Байона и др.). Таким образом, отцы, мужья и братья оставались укрытыми от закона: ведь с ересью только мирились, ее не признали официально. И позже граф Фуа, покровитель еретиков, муж и брат совершенных, попытался откреститься от ответственности за деятельность своей сестры Эсклармонды: «Если моя сестра была дурной женщиной и грешницей, то я вовсе не должен погибать за ее грехи»²⁷. Этим мы, однако, не хотим сказать, что при случае мужчины демонстрировали меньшую преданность вере, чем женщины.

²⁷ Песнь об альбигойском крестовом походе. CXIV. С. 3292-3293.

4. Социальные и моральные аспекты учения катаров

На том, что было уже сказано относительно моральных или, скорее, аморальных качеств катаров, стоит остановиться более внимательно, ибо как раз с этой стороны противники и нападали на учение. О глубине и значимости религии судят по тому влиянию, которое она оказывает на верующих. Но не могли же те, кто был призван бороться с катарами, заявлять, что ересь делает людей милосердными и добродетельными. Они и твердили без конца о лицемерии совершенных и о дурных нравах их приверженцев.

Что до совершенных, то их поведение перед смертью навсегоды смывало все подозрения в лицемерии. Однако их самоотверженность в глазах современников-католиков выглядела так странно, что их стали обвинять в тайных постыдных пороках и, в частности, в гомосексуализме (видимо, причина этих подозрений – в обычае совершенных одного пола жить попарно, никогда не расставаясь со своим *socius* или *socia*). Даже убеждаясь в чистоте нравов совершенных, католические полемисты находят ее неестественной и видят причиной аскезы ожесточение и зависть к тем, кто не отказался от мирских радостей. Из этого можно лишь заключить, что священники и монахи того времени были очень далеки от целомудрия и бедности, иначе добродетели совершенных никого бы не шокировали.

Но следовало ли ожидать, чтобы в обществе, где даже клир не мог подать надлежащий пример добродетели (о чем свидетельствует переписка пап, епископов и аббатов, не говоря уже о светской литературе), люди светские вели себя более строго? Все то, что говорилось об аморальности некоторых катаров, в полной мере можно отнести и к их современникам – католикам. Частная же жизнь аристократов (о жизни простых людей мы знаем меньше) говорит о том, что вольность нравов была всеобщей. Средневековое общество, особенно на юге, как раз мало отличалось лицемерием, а тщеславие, сластолюбие и роскошь вовсе не считались пороками, которые надо скрывать.

С другой стороны, упрек в общении с недостойными людьми, часто адресуемый совершенным, очень похож на тот, что бросили фарисеи Иисусу, обвиняя его в поисках дешевой популярности. Более того, в своем апостольстве совершенные, как и католические миссионеры, прежде всего должны были заниматься деклассированными, париями, морально неустойчивыми, которые далеко не всегда воспринимали их проповеди. Но поскольку милосердие совершенных было широко известно, изрядное количество паразитов искало возле них под видом обращения спасения от нищеты. И вряд ли стоит судить общину по этим самым слабым ее членам.

Истинно верующих катаров, тех, что душой и телом были преданы Церкви, присутствовали при обряде *consolamentum* и принимали у себя совершенных, обвиняли в том, что они жили с наложницами, а некоторые имели незаконных детей (бастардов). Действительно, часто упоминают катаров, присутствовавших на еретических церемониях в сопровождении своих наложниц (*amasia* – возлюбленная): «Willelmus Raimundi de Roqua et Arnauda, amasia ejus; Petrus Aura et Boneta, amasia uxor ejus; Raimunda, amasia de Othonis de Massabrac, etc.»²⁸ – «Виллельм Раймунди де Рохия и Арнауда, его возлюбленная; Петрус Аура и Бонета, его возлюбленная супруга; Раймунда, возлюбленная Отон де Массабрака, и т. д.». Для католической Церкви женщина, не прошедшая обряд венчания, автоматически считалась наложницей, а катары могли иметь все основания не венчаться в католическом храме, чьи обряды они презирали, и уж тем более имел эти основания молодой Отон де Массабрак, рыцарь гарнизона Монсегюра, катар в третьем или четвертом поколении, преследуемый инквизицией еретик. Как бы там ни было, само по себе нежелание венчаться в церкви не указывает на испорченность нра-

²⁸ Doat. T. XXIV. C. 59-60.

вов; в предшествующем веке многие женщины очень строгих нравов отстаивали свои права на гражданский брак. Известно, что адепты новых религий, как правило, тяготеют скорее к пуританству, чем к вольности нравов.

С другой стороны, инквизиторы были единодушны в том, что брак для еретиков – институт сатанинский: «Они утверждают, что познать плоть своей жены равносильно инцесту с матерью, сестрой или дочерью»²⁹. Можно ли с достоверностью утверждать, что в своих проповедях совершенные распространяли такие чудовищные идеи? И могли ли подобные заявления толкнуть верующих к инцесту с матерями и дочерьми? Вполне возможно, что сплетни, о которых толкует Бернар Ги (даже если они и имели под собой основание), не относились к самим совершенным или к тем, кто ожидал инициации, т. е. к людям, для которых брак, а тем более брак, благословенный Богом, был таким же скандалом, каким он был для католического монаха или священника. Во все времена католическая Церковь считала, что грех по слабости, тем более, если за ним следует раскаяние, не так тяжок, как клятвопреступление освященного брака. Видимо, в этом смысле следует понимать и ригоризм совершенных.

«Добрых матерей» упрекали в том, что они зачастую очень резко осуждали продолжение рода и объявляли беременных женщин нечистыми грешницами. Однако (и это доказывает *relevailles* – церемония очищения) и католическая Церковь признавала изначальную нечистоту акта рождения. Но при этом для католиков дитя – милость Божья, а не проклятие, поскольку в католической теологии присутствует неизъяснимая тайна божественной любви к той же самой мерзкой и слабой плоти. Но эту мудрость, восходящую к древнему иудаизму и, возможно, к некоторым языческим традициям, католическая Церковь с трудом увязывала со своей системой ценностей. Средние века, эпоха рационалистическая и влюбленная в логику, казалось, даже Богу отказывала в возможности четвертого измерения.

Упреки в аморальности в адрес катаров тем более странны, что многие из них, и прежде всего женщины, воспринимали брак как компромисс с Церковью. Ковинана из Фанжо, обращенная св. Домиником, «отошла от своих заблуждений и вышла замуж», «Бернарда три года жила в ереси, но затем вышла замуж и имеет двоих детей»³⁰. Никто не утверждает при этом, что до брака обе девушки вели дурную жизнь, наоборот – они лишь соблюдали девственность. И в Реймсе в 1175 году³¹ сожгли девушку, обвинив ее в принадлежности к катарам, только за то, что она хотела любой ценой остаться девственницей. Получается, что катаров узнавали и по распущенности, и по чистоте нравов.

Нам скажут, что все это относится к элите, а как обстоит дело с остальными? Что ж, вполне возможно, что среди горячо верующих попадались такие, кто, не чувствуя в себе сил побороть соблазн, отказывались от супружеской жизни и удалялись от мира, но все равно потом впадали в грех и бросали тень на репутацию общины. Даже если совершенные и не отворачивались от подобных «заблудших овец», вряд ли они были заинтересованы в поощрении распущенности, тем более что именно за это они наиболее сурово осуждали католиков.

Случай с юной еретичкой, сожженной в Реймсе, очень показателен с точки зрения менталитета гонителей катаров: Родольф, аббат из Коджесхолла (Англия), рассказывает, что архиепископ Реймский однажды прогуливался в сопровождении своей свиты в окрестностях города. Один из клира, Жерве Тильбюри, увидел в винограднике молоденькую девушку, подошел к ней и начал приставать с весьма недвусмысленными предложениями. Девушка, «не осмеливаясь взглянуть на него, серьезно и скромно отвечала», что не может ему отдаться, потому что «если я потеряю девственность, то тело мое тотчас же будет осквернено, и я безвозвратно обреку себя на вечную муку». В таком обороте речи юный каноник распознал еретичку и тут

²⁹ Бернар Ги. Практика инквизиции. С. 130.

³⁰ Тулузская библиотека, ms. 609. Doat. Т. XXII. Р. 15.

³¹ Собор в Буке, «Хроника» Родольфа, аббата Коджесхолла. Т. XVIII Р. 59.

же донес на нее епископу, гулявшему со свитой неподалеку. Девушку вместе с наставницей приговорили к сожжению, и она приняла смерть с мужеством, поразившим всех присутствующих. Неизвестно, однако, что должно было больше удивить – героизм юной безымянной мученицы или то, что ее судьи, а вслед за ними и хронист, сочли вполне естественным, что каноник пытается изнасиловать девушку, а потом выставляет свое бесстыдство в качестве аргумента против жертвы. При таком падении собственных нравов в кого могла бросить камень Церковь?

Жизнь основной массы верующих катаров мало чем отличалась от жизни простых католиков. Более того, изучая списки знатных семей, открыто принимавших учение катаров, никак нельзя прийти к выводу, что эта религия отрицала семейную жизнь и осуждала браки и рождение детей. Судя по тому, что семьи были большими, а старинные традиции общественной жизни, связанные с катарской Церковью, передавались от отца к сыну, все обстояло как раз наоборот. Эти списки указывают на то, что семейные связи были прочными и почитаемыми. Самые преданные верующие – «обратившиеся в новую веру по причине гонений» – признавали, что все они были воспитаны в вере катаров матерями, бабушками, дядьями, тетками и т. д.; они женили своих сыновей на дочерях катаров и на смертном одре принимали *consolamentum* от братьев и свекров. Такие знатные дамы, как Бланш де Лорак, в окружении многочисленных сыновей, дочерей, внуков, зятьев и невесток, воспитанных в традициях учения катаров, были настоящими центрами кланов. Владетели Ниора, Сен-Мишеля, Феста, Фанжо, Мирпуа, Кастельбона, Кастельвердена, Кабаре, Миравалья и т. д. все были известными еретиками, и показания свидетелей изобилуют упоминаниями членов этих фамилий, состоящих в разных степенях родства, что наводит на мысль о чрезвычайной крепости семейной солидарности, кстати, вообще характерной для феодальной эпохи. Как видно, разлагающее влияние религии катаров не коснулось этих семей, из поколения в поколение составлявших ее опору. Следовательно, утверждения, что учение представляет общественную опасность как фактор, дезорганизуемый семью, абсурдно.

Верно, что некоторые особенно преданные вере женщины удалялись от мира при живых мужьях; по большей части они были уже в преклонном возрасте, их дети выросли и вступили в брак. Чаще всего они дожидались вдовства, как Бланка де Лорак или Эсклармонда де Фуа, бывшие обе многодетными матерями.

Еще одним, правда, более редким обвинением в адрес катаров было подстрекательство паствы к анархии в результате непризнания светской власти, запрета на насилие и клятвы. Это обвинение кажется на первый взгляд более обоснованным, чем предыдущее. Катары действительно утверждали, что светская власть установлена не Богом, а Сатаной. Однако ни катары Лангедока, ни вальденсы, близкие к катарам по убеждениям, не проповедовали революционных устремлений, как это делали богами. И катары вовсе не настаивали на обязательной бедности верующих, как это делали вальденсы. Адепты учения катаров были в основном люди зажиточные. Во всяком случае, катары никоим образом не толкали своих верующих на любые открытые выступления против мирских властей, полагая, что в мире, где правит Князь Тьмы, не годится никакая организация общества.

Тем не менее верующие, живущие в миру, исповедовали религию, отрицавшую все основы мирской общественной жизни. Не расшатывало ли это их дисциплину, их ощущения обязательств по отношению к суверену и к закону? Могли ли катары быть примерными гражданами, если они постоянно чувствовали тщету и второстепенность общественной жизни? Но разве католическая Церковь не внушает постоянно своей пастве, что небесная родина важнее земной? Отчего же ее не обвиняют в распространении анархии?

Катарам предъявляли множество обвинений, но даже Петр Сернейский, свидетель в высшей степени пристрастный, видимо, был недалек от истины, когда утверждал, что катары «предавались роскоши, дракам, грабежу и убийствам, клятвопреступлениям, и были замечены в различных извращениях». Ясно, что речь идет о высшем сословии – сюзеренах и рыцарях.

Не надо при этом забывать, что все то же самое говорилось и в адрес аристократов, не замеченных в ереси. Постоянная вражда ноблей и клерикалов порождает отталкивающий образ рыцаря. Если полагаться только на писания церковников, то, за исключением нескольких воинов Христовых, рыцари предстают перед нами грубыми животными, подчиненными низменным инстинктам, жадными до роскоши и славы и находящими радость лишь в войнах и грабежах. Светская литература, в свою очередь, не замечает или презирает клерикалов. Епископы (если они не раскраивают черепа сарацинов, как Тюржи) представлены в лучшем случае как фигуры декоративные. И в тех странах, где глубока католическая вера, аристократия и клерикалы кажутся живущими в разных мирах, в постоянном соперничестве и ненависти. Французская аристократия на юге была не хуже, чем в других краях, но ко всем прочим грехам ей вменялось в вину открытое неприятие католической религии. Что же тут удивляться, что на ее голову сыпались все упреки, на которые Церковь была так щедра по отношению к аристократии католической?

Северные бароны вовсе не всегда соблюдали данные клятвы и использовали малейшую возможность, чтобы восстать на сюзеренов, которым клялись в верности на Евангелии. Южные бароны, верующие катары, то есть адепты религии, которая запрещала все клятвы, смотрели на свои клятвенные обязательства как на неизбежную формальность, лишенную морального смысла (или, по меньшей мере, чувствовали себя более свободными давать клятвы, следуя собственным интересам). Так кто же чаще был «клятвопреступниками», северяне или южане? С другой стороны, религия катаров осуждала любую ложь, а это обязывало к определенному прямодушию в манере поведения. Только о тех, что ввали и противоречили сами себе на каждом шагу, можно сказать, что их подталкивали к этому религиозные убеждения. Однако даже самые честные верующие вынуждены были, время от времени, поддерживать контакты с католической Церковью, которая выполняла большинство административных и правительственных функций в стране, и эти контакты, конечно, носили отпечаток лицемерия. Справедливо будет сказать, что многие из мелких дворян целиком порвали с официальной Церковью: в Тулузе, Арьеже, в Каркассе не только деревни, а местами и целые районы давным-давно отошли от католического культа; все их обитатели перед смертью получали *consolamentum*, совершенные отправляли катарские обряды в покинутых церквях. В качестве примера приводят обычно замок Термес, где до прихода крестоносцев не служили религиозных служб более 25 лет. Файдиты (сеньоры, согнанные с владений крестоносцами) были слишком прямолинейны в вере, чтобы симулировать подчинение католической Церкви, и их было много. Так что логично было бы заключить, что люди, способные жертвовать за веру и имуществом, и безопасностью, вряд ли предаются роскоши, грабежам и дебошам.

Буржуа южных городов были вполне боеспособны. Рыцари, и богатые и бедные, если не крутились при дворе или на празднествах, явно не проводили три четверти года за возделыванием своих садов: содержание доменов вынуждало постоянно обороняться с оружием в руках от соседей, бандитов и даже от непокорных вассалов и баилей. Катарская Церковь так же, как и католическая, не превращала волков в ягнят; но она, несомненно, со всей страстью декларировала неприятие убийства: приверженец учения не имел права воевать даже за святое дело. И так обстояло дело по крайней мере в течение первых лет крестового похода.

Катары исповедовали идею высокой ценности и достоинства жизни: они отказывали в доброте Богу Ветхого Завета за то, что Он утопил все земное население и погубил войска фараона и жителей Содомы; за то, что Он одобрял убийства и приказал иудеям вырезать население Ханаана. С точки зрения католиков смерть злоумышленников не составляла ни малейшей проблемы; мораль катаров была более требовательна к нюансам. Основываясь на Евангелии, они отрицали смертную казнь и вообще всяческое наказание, связанное с лишением жизни или свободы. По их мнению, преступника надобно не наказывать, а перевоспитывать. Конечно, говорить так было легко, ибо вся юстиция подчинялась их противникам. И никаких трудов

не стоило объявить, что гуманная доктрина расценивается Церковью как позор. И выходит, что XIII век не столь уж жесток и кровожаден, как его принято изображать, если подобная доктрина снискала себе стольких адептов.

Те, кто слушал проповеди совершенных, должны были испытывать то чувство человеческой солидарности, которого не ведали рыцари, полагавшие, что заслужат для себя рай, перебив сарацинов. Заявить, что убить сарацина так же жестоко и преступно, как убить отца или брата, не считалось аморальным, но это было неосторожно. Мы увидим потом, что война вынудит совершенных отступить от своей жесткой позиции и позволить верующим сражаться; более того, они будут даже подбадривать их в бою. Но не исключено, что именно их пацифизм определил относительную слабость сопротивления Окситании в начале войны.

5. Борьба с «Вавилоном»

Все эти соображения наводят на мысль, что доктрина катаров могла представлять некоторую социальную опасность, тем более что объективно изучить ситуацию практически невозможно за отсутствием конкретных данных. Но нам доподлинно известно, что в Лангедоке все, кто представлял власть, от князей и баронов до консулов и крупных буржуа, в общей сложности потворствовали ереси. Анархический характер учения столь мало беспокоил владетельных сеньоров и консулов, что они примыкали к нему сами и вовлекали жен и сестер. Если религия катаров и была настроена воинственно, то не по отношению к светским властям, а по отношению к Церкви.

Церковь на протяжении веков была, как мы уже отмечали выше, соперником и недругом знати. Если, благодаря крестовым походам, Церковь и сумела мобилизовать к своей выгоде воинский пыл и дух соперничества рыцарства, то не пошедшая в крестоносцы знать стерегла свои владения от Церкви, зарившейся на них по праву сильного. Церковь, в свою очередь, век от века богатея за счет пожертвований, завещаний и увеличения податей, все более обмирщалась. Она владела огромными доменами и содержала милицию для их охраны. А некоторые епископы, как, например, Беренгер Нарбоннский, дошли до того, что в сборе податей прибегали к помощи разбойников. Конечно, такое случалось редко, но сам факт свидетельствует о том, что Церковь неплательщиков не баловала. В сборе налогов с населения, и без того небогатого, Церковь конкурировала с феодалами, раздражая последних богатством своих земель и замков и возбуждая давнюю неприязнь воинов к носителям тонзур. Повсюду, где только было возможно, дворяне старались ввязаться в тяжбу или драку с епископами и аббатами. Прелаты же в конце XII века начали злоупотреблять отлучениями, которые были крупной административной неприятностью, но уже не вызывали прежнего ужаса, а зачастую вообще не давали эффекта.

Если в странах, где доктрина официальной Церкви не ставилась под сомнение, этот антагонизм между Церковью и знатью существовал хотя и постоянно, но в тлеющей, хронической форме, то в стране могущественной ереси этот антагонизм разрастался до состояния открытой войны. Следует ли думать при этом, что владетельные сеньоры становились еретиками из корыстных побуждений, имея в виду завладеть имуществом Церкви? Определенно, высокие бароны Лангедока, и в первую очередь сам граф Тулузский, славились как захватчики церковного добра. Раймон VI сам признавал в 1209 году, что участвовал в репрессиях против монахов и аббатов, взял под стражу епископа Везонского, низложил епископа Карпентрасского, конфисковал замки и селения, принадлежащие епископам Везонскому, Савеллонскому, Родесскому, а также аббатам из Сен-Жиля, Сен-Понса, Сен-Тибери, Гэйнака, Кларака и т. д.³², что в равной мере указывает как на хищность устремлений графа, так и на богатства епископов и аббатов. Знать так же, как и простой люд, упрекала Церковь в чрезмерном богатстве, явно не соответствующем доходам от церковной деятельности.

Графы Тулузы и Фуа и виконты Безье конфисковывали церковное имущество ради собственного обогащения и в то же самое время делали богатые пожертвования Церкви и аббатствам. Такой стиль поведения, видимо, был продиктован скорее интересами локального порядка, чем ясно намеченной политикой. С появлением ереси катаров, а позднее вальденсов, в Лангедоке появилась и развилась глубокая, активная ненависть к католической Церкви, пронизавшая все слои населения.

Ошибочно было бы думать, что эта ненависть была спровоцирована только пропагандой совершенных. Страсти накалялись еще и потому, что нападки на официальную Церковь под-

³² Дон Вессет. История Лангедока, изд. Молинье. Т VI, С 227.

держивались большим числом католиков. Более того, одной из основных причин успеха проповедей катаров была их антиклерикальная направленность (что само по себе выносит строгий приговор Церкви), причем это объяснение мы находим у католических историков, которых никак нельзя заподозрить в антиклерикализме. Поскольку Церковь в Лангедоке была непопулярна и потеряла способность выполнять свои функции, пропаганда ее противников иной раз подогревала низменные страсти и провоцировала скандалы и беспорядки.

Конфискация церковного имущества была для крупных и мелких феодалов естественной реакцией на непомерные аппетиты прелатов. В то же время бедняки вздыхали с облегчением при мысли о том, что не надо будет платить десятину и многочисленные поборы за отправление обрядов, и для них отпадение от старой веры не было пустяком. А тех, кто отвернулся от Церкви, в которую, пусть смутно, пусть неуклюже, но верил, навязчивая пропаганда часто толкала на гнусности, и совершенные должны нести за это свою долю ответственности. Новая вера, пустив корни в Окситании, породила настоящий фанатизм. Нельзя сказать, что он охватил все население (в целом катары и католики прекрасно уживались друг с другом), но и утверждать, что его вспышкам были подвержены одни бандиты и разбойники, тоже нельзя.

Петр Сернейский приводит случаи, когда некий Юг Форэ особо тяжко осквернил церковный алтарь, а еретик из Безье напал на священника, выхватил у него потир и опоганил его³³. В протоколах инквизиции зафиксировано, что некий Б. из Квидера мочился на тонзуру священника. Видимо, факты такого рода случались относительно нечасто, поскольку даже противники еретиков, заинтересованные в том, чтобы их обнародовать, приводят их как редкость. Но тот же Петр Сернейский сообщает, что граф Фуа, поссорившись с монахами из Сент-Антонена, сеньорами Памьера, приказал двум своим рыцарям отомстить монахам за то, что они изгнали из города одного из знатных совершенных. В результате один каноник был изрублен на куски, другому вырвали глаза, после чего граф Фуа собственной персоной ворвался в монастырь, устроил там попойку, а монастырь спалил. Точно так же он осадил монастырь святой Марии, а когда монахи сдались, не выдержав голода, ворвался в него и разграбил. В другой церкви он приказал отломать от распятия руки и ноги, и его солдаты использовали их для растирания специй, а один из оруженосцев проткнул распятого Христа копьем, требуя от Него выкупа. Идет ли здесь речь о клевете? Возможно. Но если католик Раймонд VI обвинялся в сожжении церкви вместе с находившимися там людьми, то для графа Фуа такие выходки были делом обычным. В данном случае свидетельства гласят скорее о проявлении брутальности характера, чем об антиклерикальном рвении, но все эти выходки спровоцированы глубокой ненавистью к католической Церкви. И если потом Раймон-Роже де Фуа торжественно засвидетельствует перед папой свою принадлежность к ортодоксии, он сделает это, несомненно, под нажимом своего клана. Этот неутомимый забияка, этот непримиримый враг крестоносцев представлял собой наиболее яркий пример пылко верующей, фанатичной и задиристой катарской знати.

Сеньоры, подобные графу Фуа, обладали достаточной силой, чтобы наделать крупных гадостей Церкви. Простые же верующие, не такие могущественные, но столь же ревностные, не жгли монастырей и не конфисковывали их, чтобы поместить там совершенных, но со священниками обращались грубо, а церкви и кладбища разоряли. Несомненно, этим промышляли и бродяжничающие солдаты или просто хулиганы, всегда ищущие, что бы разрушить; объявив себя еретиками, они могли спокойно безобразничать и не бояться навлечь на себя общественный гнев. Власть имущие, благоволившие к ереси, не наказывали хулиганов; население, фанатичное или просто ненавидевшее клерикалов, их поощряло. Свидетельства современников категоричны: не только в районах, охваченных ересью, но и в тех, что оставались в католической вере, не возникло движений против святотатств, учиняемых истинными или ложными еретиками.

³³ *Петр Сернейский. Гл. VI.*

Особая ненависть катаров к кресту (орудию унижения Бога) и к мессе (высшему свято-татству, ибо месса подразумевала под частицей божественного тела мерзкий кусок материи, обреченный на разложение в утробах верующих) побуждала их к яростным нападкам на наиболее священные из догм католической Церкви. Сам факт, что эти нападки уже ни у кого не вызывали протеста, доказывает, насколько единодушным было презрение к Церкви в этих краях. Города, оставшиеся в католической вере, и не пытались ее защитить местными крестовыми походами или резней, что делает им честь, но одновременно показывает, насколько в Лангедоке была сильна катарская Церковь. Многие епископы и аббаты происходили из семей еретиков и относились к ереси спокойно. Кюре и каноники братались с совершенными и с простыми верующими отчасти из оппортунизма, отчасти из симпатии к доктрине, за которой они чувствовали моральную силу. И при всем том для катаров Церковь была врагом номер один, блудницей вавилонской, прибежищем Сатаны, проклятым местом, и они никоим образом не принимали того, что полагали суевериями и тяжкими заблуждениями.

Все свидетельства сходятся в одном: в католической стране, где изрядная часть земель, власти и имущества находилась в руках Церкви, которая контролировала и санкционировала все события частной и общественной жизни, народ был к этой Церкви либо равнодушен, либо враждебен. Новая Церковь отвоевала себе позиции безо всякой войны, была почитаема всеми и уже начала играть роль объединяющего начала, явно имея целью разоружение Церкви официальной, оказавшейся в изоляции. Католическая Церковь постоянно чувствовала опасность нового могучего движения, шаг за шагом теряла связь с жизнью страны, приобретала характер замкнутой касты и не занималась ничем, кроме защиты своих интересов.

Накануне потрясений и катастроф, в результате которых Лангедок потеряет независимость, Церковь уже не представляла ни справедливости, ни порядка, ни мира, ни милосердия, ни Бога: она представляла папство. Поистине трагическая ситуация, в которой она оказалась, привела к наихудшему варианту смещения ценностей и заставила Церковь подчинить идею морали защите своих сиюминутных интересов.

Все католические историки (как в XIII, так и в XX веках) настаивают на том, что ересь была очень опасна для «инфицированной» ею страны. Но факты подтверждают, что если в чем и таилась подобная опасность, так это в самом крестовом походе. Опасна была бурная реакция Церкви на нависшую над ней угрозу. Не надо забывать, что, несмотря на многочисленные превышения власти, Церковь играла все же объединяющую роль в обществе и составляла один из основных общественных механизмов, может, не самый отлаженный, но незаменимый. Отбывая у Церкви имущество, князья и консулы в ней нуждались и не помышляли возвыситься над нею. В то же время в народном сознании, подогреваемом проповедями катаров, она шаг за шагом теряла свои позиции, лишаясь вовсе смысла существования. Было бы ошибкой утверждать, что дух тирании, нетерпимости и сектанства был присущ одним католикам: обе партии в пылу открытой борьбы постоянно поносили друг друга. Совершенные не шли, правда, дальше словесных баталий, но они обладали уже достаточным авторитетом, чтобы повести за собой фанатиков.

Можно ли хоть на миг представить себе папу, который в порыве евангельского вдохновения издает буллу, предписывающую аббатам и епископам раздать церковное имущество бедным и идти проповедовать, живя на милостыню? Ну, а если не этим радикальным средством, которое, в случае применения, могло повлечь за собой пугающие последствия, то как еще можно было реформировать Церковь, чьи внутренние беды проистекали из ее светского могущества? Сила катаров заключалась отчасти в бедности и отсутствии ответственности за мирские дела. А католическая Церковь была администратором, подчас жестоким и корыстным, но опытным, способным достойно встретить практические трудности, о которых ее недруги и не подозревали.

Самый серьезный упрек, которого заслуживают катары, это тот, что был уже справедливо предъявлен католикам: религиозная нетерпимость. Они не предавали своих врагов в руки светского правосудия и не разжигали костров (не имея на то ни средств, ни желания), но они огульно чернили и поднимали на смех веру, которая сама по себе заслуживала уважения. Конечно, дело здесь и в недопустимом поведении священников и прелатов, и в косности церковной администрации, и в непостоянном характере южан. Ведь и во времена язычества жрецы порой хулили тех, кто осквернял языческий культ и оскорблял изображения богов.

Катары сформировали в Лангедоке полуофициальную Церковь, общество, которое не было уже ни тайным, ни подпольным и насчитывало среди своих адептов и высоких баронов, и людей из народа. Их Церковь не была единственной еретической Церковью в стране. Желая лучше разъяснить своим читателям ситуацию в Лангедоке накануне крестового похода, Петр Сернейский признает, что из всех еретиков юга вальденсы были «скверными, но гораздо менее, чем другие», и что «во многом они веруют так же, как и мы»³⁴. Вальденсы, гораздо менее многочисленные, чем катары, пользовались особой симпатией низших слоев населения (хотя к этой секте принадлежала и одна из сестер графа Фуа). Их учение, как указывает процитированное выше свидетельство, стремилось привлечь к себе тех, кто не принимал злоупотреблений Церкви, но оставался верен католицизму. Оно было гораздо менее революционно по догме, чем учение катаров, но исповедовало тот же протест против организации и ритуалов католической Церкви.

Секта вальденсов была более молодой: ее основатель, Пьер Вальдо, начал проповедовать около 1160 года в Лионе, почему это движение и называют часто «лионскими бедняками» или «лионцами». Пьер Вальдо, богатый лионский купец, был очень благочестив и, дабы лучше постичь Писание, затеял перевести его с латыни, о чем и попросил своего друга Этьена д'Ансе. Впоследствии Этьен погиб при несчастном случае, и Пьер Вальдо, потрясенный гибелью друга, решил посвятить себя служению Господу. Он продал все свое имущество и раздал его беднякам, а сам начал жить на милостыню и проповедовать. У него нашлись последователи, и вскоре организовалось благочестивое содружество светских людей, поставивших себе целью жить, подобно апостолам, в бедности и нести в народ слово Божье.

У Вальдо было множество учеников, которых он снаряжал проповедовать по пригородам и деревням в окрестностях Лиона. Их проповеди звучали и в общественных местах, и в церквях. Архиепископ Лиона Жан де Бельмен был очень встревожен: не обладающая никаким церковным мандатом группа «неграмотных идиотов» из мирян взяла на себя смелость толковать Священное Писание на свой лад! Это был скандал. Тем временем движение снискало себе множество адептов. Когда в 1180 году архиепископ запретил Вальдо и его ученикам проповедовать, они ответили, что лучше слушаться Господа, чем людей, привели в пример святого Петра перед лицом синедриона и продолжали проповедовать. В ответ на поступившую от них апелляцию папа Люций III подтвердил осуждение, произнесенное Жаном Бельменом. Тремя годами позже папа обнародовал в Вероне³⁵ закон, объявляющий «лионских бедняков» еретиками наряду с катарами.

Так ученики Пьера Вальдо из непослушных католиков попали в еретики.

Признание самого факта еретичества только усилило их непокорность. Постепенно они перешли к открытому отрицанию институтов Церкви, а потом и своих собственных принципов. «Еретики, – писал Бернар из Фонткода в своем трактате против вальденсов, – это те, кто поддерживает старую ересь или создает новую, а также те, кто заявляет, что не надо слушаться ни священников, ни римской Церкви, *quod dictu horribile est!* (что само по себе ужасно!), но только лишь одного Бога». Теперь позиция вальденсов ясно определилась: они создали ересь

³⁴ *Петр Сернейский*. Гл. 2.

³⁵ *Mansi Consil.* Т. XXII, col. 447.

нового толка (в противоположность катарам, которые ассимилировались с манихеями), состоявшую в неповиновении воле римской Церкви и следовании только воле Божьей.

Вальденсы порицали Церковь, базируясь на том, что ее предстоятели в своей коррумпированности не могут быть проводниками благодати. Отрицая принцип священства, они отрицали и таинства, включая крещение и причастие, и пришли в конце концов к отрицанию всего католического культа и большей части его догм. Они не верили ни в реальное присутствие Христа при таинстве мессы, ни в святых, ни в чистилище. Молиться следовало лишь самому Христу, единственному посреднику Бога, и незачем молиться о мертвых, поскольку после смерти человек либо спасется, либо понесет кару – и это при том, что культ святых и моления о мертвых имели в средние века огромное значение, трудно представимое сегодня. Вальденсы отказались от празднования религиозных праздников, однако отмечали воскресения, а также дни, связанные с культом Пречистой Девы, апостолов и евангелистов.

Таким образом, их религия была сильно упрощенным ортодоксальным христианством. Как и католики, они веровали в богодухновенность Ветхого Завета, в Троицу, в Воплощение, в реальность страданий и воскресения Христа, в Страшный Суд – словом, во все положения Символа веры в традиционной церковной интерпретации (хотя они не читали ни Символа веры, ни любой другой католической молитвы, кроме «Отче наш...»). Они объявили, что по вине папы Сильвестра, основателя римской Церкви, католическая Церковь впала в ересь, и все, что она устанавливала и провозглашала после IV века, было заблуждением.

Ересь вальденсов, несмотря на отрицание некоторых основополагающих догм христианства, например, причастия, состоит целиком в неприятии именно римской Церкви. Это, скорее, были усердные реформаторы, чем еретики; они не изобрели новой доктрины, хотя у них было свое богослужение, свои молитвы и литература; оформленности и конструктивности учения катаров они не достигли. Проповедями бедности и трудолюбием они привлекали к себе в основном низшие слои населения, которые считали их более праведными христианами, чем католических священников. Несмотря на то, что после 1184 года они официально числились еретиками, еще в начале XIII века симпатии к ним были велики; католики называли их «божьими бедняками», охотно им подавали и позволяли распевать в церквах свои гимны³⁶. Впоследствии папы объявили вальденсов столь же опасными еретиками, как и катаров.

Дело в том, что по крайней мере в Лангедоке оба еретических движения, очень мало похожих друг на друга и при случае впадавших в жаркие споры, столь часто путали одно с другим, что теперь нам бывает трудно определить, о какой из ересей шла речь в той или иной местности, особенно если дело касалось простых верующих. Эта путаница происходила, во-первых, потому, что обе ереси были в равной мере ненавистны римской Церкви, а, во-вторых, потому, что вальденсы как более молодая секта копировали организацию и стиль поведения катаров. Как и катары, они имели своих совершенных и верующих; церемония возведения совершенных в это достоинство тоже называлась *consolamentum*, состояла в наложении рук, следовала за передачей имущества общине и обязывала к обетам бедности и целомудрия. Общины вальденсов не имели епископов и управлялись старейшинами, диаконами и священниками, их организация напоминала организацию религиозного ордена. У них были дома, похожие на обители, где совершенные постились, молились и размышляли. Их воздержание не было таким строгим, как у катаров, и не имело под собой догматической основы; однако, как и катары, они слыли аскетами.

Они посвящали свою жизнь проповедям и прежде всего толкованию Священного Писания, которое они делали доступным народу, распространяя большое количество экземпляров Библии, переведенной на народный язык. Хотя многих из них и обвиняли в невежестве, они

³⁶ Дуэ. Т. II. С. 109.

были мастерами в наставлениях верующих и, как и катары, имели свои школы, где растолковывали детям Евангелие и послания апостолов.

Женщины-совершенные у вальденсов проповедовали наравне с мужчинами, поскольку право на проповедь у них признавалось за всеми христианами. И в этом они были более революционны, чем катары, у которых проповедующие женщины встречались очень редко.

Как и у катаров, их основной и почти единственной молитвой была «Верую...», и они должны были ее произносить определенное количество раз (иногда от 30 до 40), причем много раз в день: В отличие от катаров, у которых исповедь происходила публично на церковных собраниях, вальденсы могли исповедоваться и получать отпущение грехов у одного из своих братьев.

И, наконец, как и катары, вальденсы очень сурово относились к римской Церкви, которую они именовали Вавилоном, и не упускали случая заклеить ее «суеверия» и заблуждения. В этом, по крайней мере, они были целиком солидарны с еретиками, от которых в этих краях их отличало прозвище *ensabates*. И очень возможно, что в Лангедоке, где доминировали катары (вальденсы были наиболее многочисленны в Альпах и в Ломбардии), дело пришлось к тому, что вальденские общины прониклись идеями катарских общин и переняли их обряды.

Среди крестьян и ремесленников, несомненно, вальденсов было много, среди высших классов – меньше, о чем свидетельствует список из 222 еретиков, составленный в Безье в 1209 году, в котором только 10 фамилий помечены «val.» (*valdenses*). И хотя их преследователи и заявляли, что вальденсы «намного менее вредны», чем катары, вряд ли в процессе гонений между ними делалось какое-нибудь различие. Катарская Церковь, более сильная и организованная, постепенно затенила маленькую Церковь лангедокских вальденсов, а общие страдания крепко спаяли их воедино.

В эпоху альбигойских войн, казалось, все население Лангедока принадлежало к еретикам или, по меньшей мере, открыто им симпатизировало. Точнее, население было очень веротерпимо. Поэтому, чтобы драться с крестоносцами, вовсе не нужно было становиться адептом религии катаров, достаточно было быть порядочным человеком. Война чисто на религиозной почве вряд ли привела бы к гражданской войне.

В наши намерения не входило оценивать религию катаров, мы всего лишь хотели обрисовать конкретную ситуацию. Факты, которыми мы располагаем, свидетельствуют о прогрессе молодой религии. Она сильна даже в полуподпольном положении, способна проникнуть в общество, пороки которого свободно обличает, не сливаясь с ним. Она становится лицом к лицу с официальной религией, уверенной в своих привилегиях, коррумпированной и потерявшей свой авторитет из-за сделок с совестью, к которым она привыкла, защищая свои интересы.

Римская Церковь не могла сдержаться и не покарать ересь со всей строгостью, как не может человек, на котором загорелась одежда, не погасить огонь всеми доступными средствами. Правда, даже в такой ситуации не все средства законны. Но мы увидим, что Церковь, с течением времени и в силу обстоятельств достигшая тоталитарной мощи и гнета, уже имела тенденцию не обращать внимания на законность средств, если дело шло о ее мирских интересах.

ГЛАВА III ЦЕРКОВЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЕРЕСИ

1. До Иннокентия III

Не следует удивляться, что реакция католической Церкви на религию катаров была жесткой – полное и бескомпромиссное неприятие. Римское христианство вовсе не отличалось терпимостью. Сильная религия, ставшая государственной, склонна в любом возражении видеть святотатство и оскорбление Бога. Церковь бессильна дистанцироваться от фанатиков – как человек не в силах отрубить собственную руку или ногу. Мало какая религия, по крайней мере, на Западе, способна выжить без фанатизма.

Святой Франциск Ассизский был другом святого Доминика, а святой Доминик – другом Симона де Монфора. То, что ставилось на карту – самое существование Церкви, – оправдывало фанатизм, и не нужно относиться легковесно к чувствам, толкавшим католиков на насилие.

На юге Франции катарская Церковь не представляла опасности ни для общественной морали, ни для общественного уклада, ни для гражданской власти; она представляла опасность для католической Церкви. В XII веке Церковь была настоящим государством в государстве, организованной, часто деспотической силой, с которой сами короли вели постоянную борьбу и редко достигали успеха; не будь Церковь неотъемлемой частью средневекового общества, вряд ли ей это удалось бы. Но прогрессирующий упадок Церкви в Лангедоке, связанный с развитием учения катаров, привел к возникновению ситуации, до той поры немыслимой и невозможной в глазах верных католиков: в самом сердце христианского мира могущественная страна с древними христианскими традициями, центр процветающей торговли, всеми почитаемый очаг цивилизации, была на грани того, чтобы не просто обойтись без католической Церкви, но и вовсе отказаться от нее в пользу новой религии.

Эта новая религия попирала не только материальные интересы Церкви, ее иерархию и привилегии, но и ее духовную сущность, завоеванную трудами и мучениями, вызревавшую веками, освященную молитвами тысяч признанных и непризнанных святых, ее мистическую жизнь, целиком базирующуюся на ежедневном таинстве мессы и на реальном и постоянном присутствии Христа в своей Церкви. Христова Церковь впитала и переплавila традиции древних цивилизаций, она помогала бедным и воздвигала храмы, изобретала или вновь открывала науки, формировала школы, создавала несравненные по великолепию произведения искусства, сделала Бога доступным для самых обездоленных и подчас унижала сильных мира сего. Ее традиция покоилась на основании, которое нельзя было поколебать, не поставив под угрозу все здание средневековой цивилизации. Крест и облатка были не просто аксессуарами, а составляли сердцевину христианской веры.

Новая религия, отрицавшая не только наиболее священные традиции, но и сами основополагающие догмы католической Церкви, не могла с ней мирно сосуществовать.

В ту эпоху мысль, что истина может иметь два лица, была невозможна. Допустить существование ереси означало признать, что облатка не есть истинное тело Христово, что все святые – обманщики, а кресты на кладбищах и церквях – не более чем перекладыны для ворон. Есть вещи, терпеть которые противоправно: ведь никто не назовет терпимым человека, позволившего публично надругаться над собственной матерью.

Негодование католической Церкви было тем более законным, что ее недруги, вскормленные и взращенные в христианских традициях, обратили против нее оружие, которым она же их снабдила: разве не Церковь внушила еретикам понятия чистоты и милосердия и требовала

соблюдения этих понятий? А теперь еретики подняли руку на Церковь, осуждая ее во имя этих же понятий. Ведь римская Церковь, какой бы «Церковью дьявола» она ни была, допустила экспансию катарской веры, а теперь на нее нападают с именем Христа, которое за прошедшие века она заставила полюбить.

В самом применении силы не было ничего необычного: оно являлось частью неизбежного компромисса официальной Церкви со светскими властями. Во всех христианских странах существовала церковная юстиция, которая карала за преступления, совершенные клиром, за преступления против нравственности, за колдовство и сделки с Дьяволом.

Церковь не смешивала огульно колдунов и еретиков и в этом плане демонстрировала большую гибкость, чем светские власти. Так, святой Бернар, повествуя о резне еретиков в Кельне, пишет папе: «Народ Кельна превысил меру. Если мы и одобряем его благочестивое рвение, то не можем одобрить того, что он совершил»³⁷, поскольку вера есть дело убеждения, ее не навязывают силой. В XI веке Вазон, епископ Льежа, протестовал против жестокости французов, приказавших вырезать всех, кого они сочли катарами: аскетизм совершенных был давно и широко известен.

Церковь в канун Инквизиции была не более нетерпимой, чем светское общество. Конечно, ее можно обвинить в том, что она сама создала этот дух нетерпимости, который порой оборачивался против нее. Однако было бы бесполезно пытаться отделить церковное сознание от сознания христианского населения. Католицизм и интернациональная администрация, представленная армией функционеров, подчиненных архиепископу Римскому, – разные вещи.

Церковь располагала слишком большими полномочиями, чтобы избежать соблазна их превысить. Однако чаще всего она удовлетворялась наведением общественного порядка в доменах, относящихся к ее компетенции, и наводила его с большей или меньшей жестокостью – смотря по обстоятельствам. Сжечь человека за колдовство не считалось более аморальным, чем повесить за кражу окорока. Если Церковь и проводила карательные акции, то лишь потому, что держала в руках большую часть административных функций. Причем она их вовсе не узурпировала: просто в ту эпоху их некому было взять на себя.

Те, кто открыто исповедовал религии, противоречащие церковному учению, и не желал изменить свои взгляды, по закону подлежали смерти через сожжение. Однако истинным оружием Церкви против ереси было убеждение – правда, походившее порой на запугивание. Заподозренный в ереси находился под угрозой отлучения со всеми вытекающими последствиями, отлученный от Церкви оказывался практически выброшенным из общества. В странах, подобных северной Франции, где и клир, и население были одинаково фанатичны, апостольский престол должен был думать о том, как сдерживать религиозный пыл, а не о том, чтобы засылать миссионеров. На юге Франции, известном очаге ереси, папы организовывали проповеднические компании и пытались выправить нравы Церкви.

Эти попытки не возымели результата, если обратиться к свидетельству Иннокентия III об окситанском клире. Проповеди тоже успеха не имели.

Святой Бернар сам отправился в 1145 году проповедовать на Юг в компании с легатом Альберихом, епископом Остийским, и Жоффруа, епископом Шартрским. Его свидетельство категорично: ересь торжествует. «У храмов нет прихожан, у прихожан нет священников, у священников нет совести. Повсюду христиане без Христа. Таинства смешаны с грязью, праздники утратили торжественность. Люди умирают во грехе. Детей совращают с пути Христова, лишая их благодати крещения»³⁸. Вот как обстояло дело за 60 лет до крестового похода. Даже если предположить, что святой Бернар в своем благочестивом ужасе сгустил краски, его слова указывают на упадок религии в тех районах, где он побывал.

³⁷ Письмо 365.

³⁸ Послание 241. Минь, PL. Т. 182. col. 434.

В кафедральном соборе Альби в день своего приезда святой Бернар проповедовал тридцати прихожанам. Правда, через три дня огромная церковь уже не вмещала толпу желающих послушать проповедь святого. Но этот интерес вспыхнул, как солома, и погас; миссия святого Бернара успеха не имела.

Крестовый поход проповедников, посланный папой Александром III в 1179 году, несмотря на насильственное отречение и показательное осуждение Пьера Морана по прозвищу «Иоанн-евангелист», был еще менее успешен. Несколько еретиков для виду покаялись, но после отъезда легатов население в ответ на вторжения чужаков в дела страны стало открыто поддерживать ересь.

На следующий год папа начал думать о том, чтобы просить поддержки у светских властей. На Вселенском соборе в Латеране в 1179 году он заявил: «Хотя Церковь, как говорит о том святой Лев, довольствуется святым, духовным судом и не прибегает к кровавым акциям, она вынуждена, однако, опереться на светские законы и просить поддержки у князей, *дабы страх перед мирским наказанием заставлял людей исполнять духовный долг*. Итак, поскольку еретики, которых одни именуют катарами, а иные патаренами или павликианами, много преуспели в Гаскони, Альбижуа, в Тулузе и в иных землях, где открыто распространяют свои заблуждения и совращают неразумных, мы предаем их анафеме вместе с теми, кто им потворствует»³⁹.

Это уже признание собственного бессилия: папа констатирует, что Церковь больше не в состоянии бороться с ересью доступными ей средствами. На юге Франции и на севере Италии Рим приказывает светским и духовным властям объединиться для полицейского преследования еретиков. После Веронского собора папа Люций III приказывает епископам отправиться в свои диоцезы на розыск еретиков и предписывает сеньорам и консулам помогать епископской миссии под страхом отлучения и запрета. Папский легат Анри, аббат из Клерво, позднее епископ Альбонский, не ограничивается соборами, чтобы исправить нравы клира. Он смещает архиепископа Нарбоннского и собирает католических сеньоров для осады Лаваура, одного из главных очагов ереси в Лангедоке (1181).

Тактика крупных лангедокских феодалов по отношению к Риму не меняется: они дают и не держат обещания. Для них это единственно возможный стиль поведения. Если Раймон V под давлением политических обстоятельств еще пытался открыто поддержать Церковь, то его сын, понимая роль еретиков в стране, делал все возможное, чтобы жить в мире с обеими религиями.

Раймон VI наследовал своему отцу в 1194 году. Четырьмя годами позже тридцатитрехлетний кардинал – Лотарио Конти, выходец из высокородной римской семьи, пользующийся известностью в своем городе и ценимый в церковной среде, был избран папой и наречен Иннокентием III. Его таланты и склад характера вызвали такое восхищение, что, несмотря на молодость, на то, что его предшественник Целестин III (из семьи Орсини, по традиции враждующей с Конти) держал его в отдалении от дел, и на то, что он еще не был возведен в сан, решение кардиналов было почти единодушным, и на следующее утро после смерти Целестина III молодой кардинал был провозглашен главой христианского мира.

Он взялся за эту роль с неумолимым рвением: за 18 лет понтификата он показал себя настоящим наместником Бога на земле, диктуя Его волю королям и народам, невзирая на личные интересы и не пасуя перед практическими трудностями, с которыми могли столкнуться его указания. Будучи одновременно и теоретиком, и человеком дела, он постулировал абсолютное превосходство Церкви и видел свое призвание в том, чтобы править королями и заставить их служить интересам Господа.

Если уж Иннокентий III сумел укротить Филиппа Августа и Яна Безземельного, добиться вассальной клятвы от короля Арагонского, бросить немецкое рыцарство против северных

³⁹ См. Приложение IV.

язычников, а франкское – против сарацинов (крестовый поход, приведший против его воли к взятию Константинополя, что, однако, поможет ему потом попытаться добиться власти над греческой Церковью), если ему удалось повсюду посадить своих легатов, чтобы те командовали княжеской политикой, то совершенно ясно, что он не потерпит позора иметь под боком страну, где народ и власти публично высмеивают Церковь.

И тем не менее Иннокентий III, главный вдохновитель крестового похода против ереси, вовсе не был фанатиком. В своих наставительных посланиях он предстает перед нами человеком осмотрительным, умеренным и справедливым. В случаях ереси, о которых ему донесли епископ Озерский и архиепископ Санский, он сомневается, медлит, требует доказательств, проводит дознание и кончает тем, что признает подозреваемых невиновными. При посылке легатов в Лангедок Иннокентий III, стремясь искоренить причину, а не следствия беды, начал с препирательства с епископами и светскими властями. Он полагал, что «наглые еретики» распоясались вследствие дурного поведения духовенства. Но этот папа, державший в повиновении королей, не справлялся со своими подчиненными: авторитет Церкви – палка о двух концах. Действительно, легаты отстранили от дел Гильома Роксельского, епископа Безье, Никола, епископа Вивьера, Раймона Рабастанского, епископа Тулузы, и Беренгера, архиепископа Нарбонны. Мера хоть и революционная, но отнюдь не повысившая авторитет папы в высшем клире. Архиепископ Нарбонны и епископ Безье отказались повиноваться, ссылаясь на некомпетентность легатов. Их процессы затянулись надолго: Беренгер был низложен уже в разгар крестового похода, а Гильом Роксельский был убит в 1205 году, в конце подготовки к процессу. Раймон Рабастанский, доведший епископальный домен в Тулузе до столь плачевного состояния, держался в течение долгих месяцев. Попытка реформы, предпринятая папой, начинала обретать черты борьбы двух кланов: местного духовенства и духовенства, прямо подчиненного папе, особенно монахов-цистерцианцев.

Папа не мог далее опираться на епископов, он вынужден был дать «carte blanche» легатам и предоставить им право действовать по собственному усмотрению. Если со стороны духовенства легаты наталкивались на более или менее явное сопротивление, то светские власти встречали их в штыки.

Сеньоры и консулы свидетельствовали свою верность Церкви и отказывались преследовать еретиков. Граф Тулузский, уже однажды отлученный Целестином III за расправу над монахами, помирился с Церковью, получил прощение у нового папы и продолжал поддерживать катаров, грабить аббатства и превращать обители в крепости. Легат Пьер де Кастельно получил очередную порцию заверений и формальных обещаний, которые граф, как и раньше, не сдержал. При таком стиле отношений между Церковью и ересью катарские лидеры, теоретически заслуживающие самой суровой кары, бесстрашно появлялись на публике бок о бок с епископами и затевали с ними теологические дискуссии.

В первые десять лет своего понтификата, особенно в пятилетие между 1203 и 1208 годами, Иннокентий III бросил все силы на проповедническую кампанию. С твердостью человека, уверенного в том, что истина на его стороне, он надеялся вернуть Церкви заблудшую паству, искоренив невежество, к которому привела нерадивость духовных пастырей. Как и его предшественники, Григорий VII и Александр III, он пытался обратить тех, кто упорствовал меньше других. Так, в 1201 году он дает «смирненным», предшественникам святого Франциска Ассизского, несправедливо обвиненным в ереси, устав, в котором прослеживается влияние вальденсов. В 1208 году он берет под свое покровительство Дюрана де Хуэска, обращенного вальденса, и разрешает ему основать орден, напоминающий еретические общины. Этим «бедным христианам», к которым клир относился очень подозрительно, поддержка папы придает смелости, а папа видит в их движении зародыши глубокой церковной реформы посредством мирского или полумирского проповедничества.

Но по отношению к явным еретикам эта примиренческая политика не годилась, хотя папа и признавал, что осуждению подлежит не догма, а воинствующая Церковь. И он одинаково сурово обходился и с вальденсами, и с катарами.

Проповедники были призваны и разосланы. В первую очередь ими являлись сами легаты, испытанные в вере монахи-цистерцианцы, члены ордена, реформированного святым Бернаром. Этот орден представлял партию строгости, чистоты нравов и дисциплины, партию неприимиримости, ударную силу Церкви. Легаты пытались действовать убеждением, но в стране, отпавшей от Церкви, они оказались низведены до уровня проповедников, которых никто не слушал. Легаты перешли к угрозам, но и угрозы уже не действовали. Тогда они ринулись в драку и, вынужденные признать право своих недругов на существование, вызвали их на конференцию, чтобы схлестнуться в споре лицом к лицу.

Мы уже упоминали о Пьере де Кастельно, архидиаcone Магелонском, монахе из цистерцианской обители Фонфруад. В компаньонах у него был брат Рауль, тоже из Фонфруада. Чтобы придать их миссии больший вес, папа назначил им в наставники и попутчики аббата из Сито, генерала ордена, и, следовательно, одну из первых персон Церкви. Арно-Амори, кузен виконта Нарбоннского, в прошлом аббат Грансельва, одного из наиболее крупных цистерцианских монастырей, был родом из здешних краев, и его обуревало страстное желание извести ересь, с которой он был знаком не понаслышке.

Как случилось, что орден, укрепленный святым Бернаром в традициях строгости и послушания, избрал главой этого прирожденного скандалиста, весьма далекого от христианского милосердия? И уж если он не обладал евангельским даром возвращения заблудших в лоно Церкви, то должен был бы по крайней мере организовать проповедническую кампанию. Но что значило здесь апостольское рвение, и что могли сделать эти монахи, которым заведомо не доверял народ, в стране, где сам святой Бернар потерпел поражение?

Легаты пустили в ход свой личный авторитет. Дебаты, организованные ими, имели явный успех. Чтобы еще более возбудить интерес аудитории, они распорядились в каждом городе, где они появлялись, избирать жюри для оценки весомости аргументов обеих партий. С высот своего статуса официальных носителей истины они снизошли до уровня скромных проповедников, призванных убеждать и рассуждать во имя доказательства превосходства своей доктрины. Жюри, составленное наполовину из католиков, наполовину из еретиков, в принципе имело право признать их поражение и присудить пальму первенства противникам. Они рассчитывали на триумф ортодоксальных истин.

В 1204 году Пьер де Кастельно и брат Рауль участвовали в одной из крупнейших конференций в Каркассоне в присутствии весьма прокатолически настроенного Пьера Арагонского. Тринадцать католиков и тринадцать катаров были приглашены в качестве арбитров. Бернар де Симор, катарский епископ Каркассона, проповедовал открыто, излагая доктрину своей Церкви. Но если присутствие короля и могло еще перетянуть чашу весов в пользу легатов, то в дискуссии это сделать было трудно. Пьер де Кастельно и Арно-Амори собрали толпу любопытных – южане были вообще любители послушать ораторов, – но разглагольствования легатов возымели действие лишь на католиков, а для еретиков остались пустым звуком.

Конференции не возбудили никаких беспорядков или стычек между приверженцами обеих религий. Католикам в этих местах явно недоставало воинственного духа. Более того, папские миссионеры, окруженные блестящим эскортом, в роскошных одеяниях, с богатым караваном скарба и провизии составляли разительный контраст суровой простоте катарских священников. О них говорили: «Глядите-ка, наместники – всадники у Бога, который ходил только пешком, богатые миссионеры бедного Бога, окруженные почестями посланцы Бога униженного и презираемого»⁴⁰.

⁴⁰ Иордан Саксонский. Сочинения. Фрибург, 1891 г.

Эта миссия, заранее обреченная на провал, нашла неожиданных помощников в лице испанцев, прибывших из Рима, где папа отказал им в разрешении отправиться на юг России обращать в христианство язычников-куманов. Несомненно, Иннокентий III полагал, что вдохновенные миссионеры нужнее в Лангедоке. В августе 1205 года легаты встретили в Монпелье епископа Осмаского, дона Диего де Асебес, в сопровождении субприора Доминика де Гузмана. Старый епископ и его молодой компаньон (Доминику тогда было 35 лет) предложили легатам поддержку в борьбе с ересью и дали ценные практические советы. Один совет, хоть и пришел с опозданием, был сам по себе великолепен: испанские миссионеры велели легатам и их приближенным слезть с лошадей, распустить эскорт, отказаться от комфорта и приема, приличествующего их рангу, пуститься в путь пешком, живя на подаяние, и почитать знаком своего достоинства лишь монашеское одеяние, а багажом – часослов и сочинения, необходимые для обращения еретиков.

Те, кто видел уже аббата из Сито, окруженного почестями, достойными князя Церкви, были очень удивлены переменной его костюма и не без оснований высказывались насчет «волка в овечьей шкуре». Катарским миссионерам не нужны были советчики, чтобы жить в бедности, а для легата и 12 аббатов, привлеченных им в 1207 году после созыва капитула ордена, подобное поведение было не более чем средство пропаганды. Позже выяснится, что Арно-Амори вовсе не был склонен ни к смирению, ни к бедности – не то, что испанские проповедники.

Канонизированный через 13 лет после своей кончины, Доминик де Гузман уже при жизни снискал себе репутацию святого. Источники наших сведений о святом Доминике – это его ревностные ученики, которые явно преувеличивали достоинства своего кумира. Однако достоверно, что еще в юности он поражал братьев и наставников пылкостью веры и мощью интеллекта. Вместе с будущим епископом Диего де Асебесом он принимал активное участие в реформе канонической службы в своем диоцезе; в 1201 году его назначили приором и главой капитула.

Мы уже говорили о том, что он мечтал обращать в христианство язычников, и только прямое приказание папы отвратило его от этого предприятия, чтобы отправить миссионером к еретикам. Конечно, у Церкви было достаточно пылких проповедников, но к практическим результатам привела только миссия Доминика. Вот как говорит об этом Гильом Пюилоранский: «Случилось так, что в наше время и в наших краях распространялась ересь, пока не родился благословенный орден доминиканцев, чья деятельность принесла обильные и ценные плоды не столько для нас, сколько для всего мира»⁴¹.

⁴¹ Гильом Пюилоранский. Гл. X.

2. Святой Доминик, его апостольство и поражение

Широкое движение религиозных реформ, которое волею случая обрело жестокий характер из-за своей связи с Инквизицией, зародилось на каменистых дорогах Лангедока, где под палящим летним солнцем пылили босыми ногами двое проповедников, выпрашивая себе с коркой хлеба право быть выслушанными. Епископ Осмаский, старенький и утомленный, вынужден был через год вернуться в Испанию умирать. Однако он делил с Домиником изрядную часть его скитаний и принимал участие в дискуссиях в Сервиане, Безье, Каркассоне, Верфее, Монреале, Фанжо и Памьере.

В перерывах между дискуссионными конференциями, на которые приглашалось высшее катарское духовенство, Доминик обходил деревни, пригороды и замки, демонстрируя образ жизни более суровый, чем у совершенных. Далеко не везде и не всегда его принимали хорошо. «Гонители истины, – пишет Иордан Саксонский, – не слушали его, выкрикивали ругательства, забрасывали грязью и привязывали к спине пучки соломы». Но такие пустяки не могли смутить пылкую душу Доминика. Тот же Иордан приводит ответ, который получили от святого еретики, спросившие его: «Что ты будешь делать, если мы тебя схватим?» «Я буду умолять вас, – ответил он, – не убивать меня сразу, а отрубать мне руки и ноги одну за другой, чтобы продлить мучения, пока я не превращусь в обрубок с выколотыми глазами, плавающий в собственной крови; вот тогда я заслужу венец мученика!»⁴².

Чисто испанские передержки этой тирады должны были смутить его собеседников, и хотя они и настаивали, что он – посланец Дьявола, но отдавали себе отчет, что ничего с этим бесноватым поделать не могут. С песнопениями бродил он по деревням, а жители бросали ему вслед угрозы и ругательства. Притомившись, он засыпал прямо на обочине.

Однако даже самые горячие последователи святого более охотно вспоминали о его чудесах (кстати, малоубедительных), чем о числе обращенных им еретиков. Само перечисление дискуссионных конференций поучительно: святой Доминик и епископ Осмаский проповедуют в Монпелье – безуспешно. В Сервиане катарские священники Бодуэн и Тьери, видя их смиренное поведение и сбитые в кровь ноги, согласились на диспут. После восьмидневных дебатов оба католических миссионера не добились ничего, кроме некоторых знаков уважения в католических селениях. В Безье испанцы после пятнадцатидневных проповедей совместно с легатами и дискуссией с совершенными достигли очень скромных успехов: им удалось обратить нескольких верующих.

В Каркассоне за восемь дней проповедей они не добились ничего. В Монреале они встретились с Гийабертом Кастрским, самым знаменитым катарским проповедником, «старшим сыном» катарского епископа Тулузы, с диаконом Бенуа Термесским, Понсом Жорданским и со многими совершенными. Согласно сведениям Гильома Пюилоранского, катар Арно Хот публично заявил, что «римская Церковь, которую защищает епископ Осмаский, не является ни святой, ни Христовой супругой, а наоборот – супругой Дьявола и доктриной демонов. Это Вавилон, который Иоанн Богослов в Апокалипсисе называл матерью блуда и всякой гнусности, опьяненной кровью святых и муками Иисуса Христа. Рукоположение в сан римской Церкви ни свято, ни установлено Господом Иисусом Христом. Никогда ни Христос, ни апостолы не устанавливали распорядка мессы, каков он есть теперь». Епископ Осмаский пытался доказать обратное, опираясь на Новый Завет. «О горе! – восклицает историк. – Как же низко пал статус Церкви среди христиан, если миряне позволяют себе подобные богохульства!»⁴³. Судьи, при-

⁴² Иордан Саксонский. Указ. соч. С. 549.

⁴³ Гильом Пюилоранский. Гл. IX.

званные высказаться по поводу этого диспута, настолько не сошлись во мнениях, что вынуждены были разойтись, так и не приняв никакого решения.

А в Верфее, который один раз уже дурно встречал святого Бернара, посланцы папы и их противники, катары Понс Жордан и Арно Арифат, вообще плохо поняли друг друга, то ли из-за языковых трудностей, то ли по причине неясной манеры выражаться у спорящих сторон. Епископ Осмаский удалился в негодовании, будучи уверен, что еретики представляют себе Бога в виде сидящего на небе человека, чьи ноги так длинны, что достают до земли! «Будьте вы прокляты, – твердил он, – неотесанные мужланы, в коих я тщился найти хоть какую-нибудь тонкость ума!»⁴⁴.

Последняя конференция состоялась в Памьере, под высоким покровительством графа Фуа, предоставившего для дебатов свой замок Кастела. Вместе с епископом Осмаским и Домиником выступал Фульк, новый епископ Тулузы и Наварры, новый епископ Кузеранский. В Памьере было много катаров и вальденсов, и обе секты делегировали своих ораторов. В дебатах участвовала сестра графа Эсклармонда, совершенная, страстная защитница еретиков. Здесь католическая миссия имела большой успех: вальденс Дюран де Уэска со товарищи принял покаяние. В остальном же достижения были более чем посредственными.

Миссия распалась, епископ Осмаский вернулся в Испанию, легат Рауль тоже уехал, Арно-Амори вызвали во Францию по делам ордена, Пьер де Кастельно (очень непопулярный в стране) был слишком занят своими распрями с феодалами, чтобы посвятить себя проповедничеству. Доминик в одиночку тащил эту ношу, проповедуя по дорогам и деревням, зимой и летом, питаясь хлебом и водой, ночуя на голой земле, изумляя народ своей твердостью и страстной убежденностью речей. Когда подумаешь, что он начал проповедовать в 1205 году, а в июне 1208 года крестоносцы вторглись в страну, – становится жаль, что этот настоящий апостол католической Церкви имел слишком мало времени, чтобы завершить дело, которое могло привести к ощутимым результатам. И все же – доминиканец времен Людовика Святого Этьен де Саланьяк приписывает основателю ордена жестокие слова, свидетельствующие о том, что христианское долготерпение не входило в число добродетелей святого: «Столько лет, – заявил он толпе, собравшейся в Труйе, – я пытался заставить вас услышать слова смирения. Я убеждал, я умолял, я плакал. Но, как говорят в Испании, где бессильно благословение, сработает палка. Мы поднимем против вас князей и прелатов, а они – увь! – призовут народы, и многих покарает меч. Разрушат башни замков, снесут стены, и вы окажетесь в рабстве. Вот пример, до чего может довести насилие, если кротость потерпела поражение». Но что такое «столько лет» в деле обращения? Святой Доминик бросил дело, едва начав его.

Он был не из тех проповедников, в которых нуждалась Церковь. Она слишком многое прощала себе, чтобы иметь право на подобные угрозы, тем более, если хотела завоевать сердца верующих. Одно слово, подобное тем, что мы цитировали выше, было способно навсегда отвратить от святого Доминика тех, кого он мог обратить примером своего милосердия и мужества. Священники-катары никогда не угрожали своим подопечным карающим мечом. Отдавая должное силе личности Доминика, его энергии, вере, его полной самоотдаче, можно только изумляться, как мало ему удалось достичь в христианской стране, где истины, которые он проповедовал, должны были быть близки сердцам слушателей. Как бы ни коротко было его апостольство, сама его личность, казалась бы, должна привлечь массу последователей. На самом же деле речь идет всего о нескольких именах: юные затворницы Фанжо, Понс Роже и несколько женщин и детей, о которых ничего не известно. Несомненно, с куманами он бы больше преуспел.

Этот парадокс объясняется двойственностью положения, в котором он очутился: представляя Церковь, все время готовую замахнуться «палкой», он мог лишь терять доверие, и

⁴⁴ Гильом Пюилоранский. Гл. VIII.

нужно было обладать сверхчеловеческим мужеством, чтобы добровольно защищать религию, которая убеждению предпочла насилие. И пока Доминик страдал от колкостей насмешников, папа продолжал слать депеши королю Франции, убеждая его пойти войной на ересь. Легаты всеми средствами вынуждали графа Тулузского преследовать еретиков. Церковь же, разводя теологические дебаты с катарскими священниками, вовсе не отказывалась от законодательства, которое, будь оно приведено в действие, отправило бы тех же самых священников на костер, разорив и пересажав их паству. В таких условиях самая искренняя и жаркая проповедь воспринималось как позорное лицемерие.

Церковь обязана была бороться, но силы были неравными: сильная вековыми традициями и авторитетом, католическая римская Церковь на юге Франции начала приобретать черты чуждой политической силы, которую презирали, ни во что не ставили, пытались обмануть ложной покорностью, короче – превратить в нечто настолько жалкое, что ее пастве было от чего заплакать кровавыми слезами. Она пыталась вернуть утраченное, но ошибки и компромиссы, личные амбиции и неверные представления о честности, вольные и невольные превышения власти заставляли ее пасть еще ниже. Зло было таким застарелым, что нам представляется жестоким целиком перекладывать ответственность за него на Иннокентия III и его слишком усердных священников.

Если уж такой святой, как Доминик, столь страдал от позора ереси, что даже забыл о том, что палка – оружие, недостойное Христа, чего же удивляться, если люди послабее его почли себя вправе защищать Церковь оружием? И уж если положение вещей таково, что святой вынужден играть жалкую роль полицейского, чего же удивляться тому упорному сопротивлению, которое население юга Франции оказывало католическим проповедникам?

И все же святому Доминику удалось произвести выдающееся обращение: то был Понс Роже из Тревиля, что в Лорагэ. На него налагалось следующее покаяние: три воскресенья подряд кающийся из деревни в церковь идет голым по пояс, а за ним следует священник и хлещет его по спине розгами; он носит власяницу с двумя нашитыми на груди крестами; всю жизнь ему разрешено есть мясо, яйца и сыр только в дни Пасхи, Рождества и Пятидесятницы, а три дня в неделю предписано отказываться от рыбы, растительного масла и вина. Трижды в год он должен поститься и каждый день ходить к мессе, соблюдать полное воздержание и раз в месяц предьявлять свою покаянную грамоту тревильскому кюре. В случае неповиновения он будет отлучен как еретик и клятвопреступник⁴⁵.

Помимо этого случая подлинного обращения – единственного, о котором сохранилась память, – результаты деятельности святого Доминика в канун крестового похода ограничились основанием монастыря в Труйе, положившего начало ордену доминиканцев и почти сразу занявшего значительное место в жизни Церкви.

Однажды, в один из вечеров 1206 года, святой Доминик вошел в церковь Фанжо, чтобы помолиться после публичной проповеди. Тут к его ногам пали несколько юных девиц и поведали, что их воспитывали совершенные в еретической вере, но речи святого заставили их усомниться в истинности этой религии. «Просите Господа, – говорили они, – чтобы он открыл нам веру, в которой мы будем жить, умрем и спасемся». «Мужайтесь, – ответил святой, – Господь никого не хочет потерять, Он покажет вам повелителя, коему вы служили до этой минуты». Одна из них рассказывала потом, что они тотчас же увидели демона в образе шелудивой собаки⁴⁶.

Было ли это видение плодом дара внушения святого или девичьей экзальтации – неясно, да и трудно принимать всерьез подобные рассказы. Может статься, речи святого возбуждали скорее страх и ненависть к ереси, чем любовь к Церкви? Как бы там ни было, юные обращенные

⁴⁵ Бальм и Леледье. *Cartulaire de St. Dominique*.

⁴⁶ Юмбер де Ромен. Тулузская анкета по канонизации св. Доминика Гл. XIII.

боялись, что их новая вера ослабеет, и святой Доминик решил создать для них обитель, где они смогут жить в защите от искушений.

Обитель не замедлила обзавестись пожертвованиями: в 1207 году архиепископ Нарбоннский присоединил к ней церковь Сен-Мартен в Лиму. Позже успешные операции крестового похода обогатят монастырь имуществом богатых еретиков.

Мы снова вернулись к деятельности святого Доминика в период крестового похода и к основанию ордена доминиканцев. Оставим его в Лангедоке, «зараженном» ересью, где он выполняет свою миссию, тем более трудную, что ему противостоят проповедники – аскеты, неустрашимые и твердые в своей вере, как и он в своей, но гораздо более известные и почитаемые в этих краях. Вполне вероятно, что совершенные, в свою очередь, тоже представляли его веру и милосердие как лицемерную тактику, внушенную демоном. Кампании по евангелизации если и не добивались обращения еретиков, то, по крайней мере, служили для подогревания религиозного пыла католиков.

А тем временем в 1206 году в самой Тулузе и ее окрестностях чрезвычайно деятельный и пылкий человек организовал настоящее движение католического сопротивления ереси.

Фульк Марсельский, епископ Тулузы, избранный на место проштрафившегося Раймона Рабастанского, через 24 года после своей смерти будет иметь почетную привилегию фигурировать в Дантовом «Рая» в виде души, полной радости, звонкой, как смех и сверкающей, как рубин на солнце. Этот счастливчик помещен поэтом на небо Венеры, ибо он пылает любовью столь сильной, что даже Дидон не идет с ним в сравнение «...и так давно, что в этом чувстве поседел...»⁴⁷. Марсельский буржуа, уроженец Жена, по призванию пошедший в трубадуры и воспевавший прекрасных дам, высоко ценился как поэт. Когда же седина побелила его волосы, он забыл жар своих страстей ради одной самой горячей привязанности и в 1195 году стал аббатом в Торонете; через 10 лет Фулька приписали к Тулузскому епископату. Его рвение и энергия были известны всем. Провансалец по происхождению, он не имел привязанностей в графстве Тулузском и не был склонен к потворству или компромиссам. И, наконец, он хорошо знал свет, обладал прекрасным ораторским даром и как признанный поэт продолжал воспламенять публику благочестивыми сирвентами и канцонами, как некогда очаровывал любовными поэмами.

Приехав в 1206 году в упадочное и, можно сказать, несуществующее епископство, Фульк добился уплаты десятин и порядка в делах (недаром был из рода купцов). Ему удалось достичь популярности среди городских католиков. Историк Гильом Пюилоранский, служивший в 1241 году нотариусом епископства Тулузского, а с 1242 по 1247 годы – капелланом графов Тулузских, говорит с благоговейным восхищением о епископе, умершем за 40 лет до описываемой эпохи. Фульк оставил по себе хорошую память в церковных кругах Тулузы; совершенно справедливо замечено, поскольку тех, у кого он оставил дурную память, должен быть легион.

⁴⁷ Данте. «Рай» Песнь IX.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.